

Маргарита Арго

Как до
ЖИРАФА

Маргарита Ардо
Как до Жирафа...
Серия «Из жизни переводчиков»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Жизнь меняется, даже если ты ее не просишь. Новый начальник, сын владельца компании явно учился не в Англии, а в клетке с тиграми. Как найти с ним общий язык и надо ли? Видимо, придется, потому что у меня кота нет, мужа нет, зато есть ипотека и желание быть независимой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	82
Глава 10	89
Глава 11	95
Глава 12	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Маргарита Ардо

Как до Жирафа...

Глава 1

– А я бы смогла в него влюбиться, – шепнула Анжела и романтически закатила к пластиковому потолку большие карие глаза, густо подведённые чёрными стрелками.

– Ты смогла бы влюбиться и в самоходный танк, будь у него счёт в банке и дача под Мадридом, – хмыкнула справа от меня менеджер Аня, натягивая на плечи кофту. – И даже добиться взаимного расположения.

Все рассмеялись.

– У Анжелы просто чувство самосохранения отсутствует, но сильно развит дух авантюризма, – добавила рыжая толстушка Марина из бухгалтерии.

– Жить надо легко и красиво, – ответила красавица Анжела, тряхнув пышной грудью.

«Вряд ли он кого-нибудь вообще заметит», – подумала я, помешивая ложечкой пенку в латте.

Только в кафе во время обеда в последнее время и можно было услышать смех в нашем коллективе – на рабочем месте всё, что не касалось производственных вопросов, было категорически запрещено. Зато тот, о ком мы говорили, в кафе

на первый этаж не заглядывал. Не царское это дело.

Новый начальник подразделения положительных чувств ни у кого не вызывал. Молодой, спортивный, подтянутый... монстр. Нет, не внешне. Но Андрей Викторович Гринальди не улыбался никогда. По крайней мере, мы не видели, – куда уж снизойти до человеческого общения с подчинёнными старшему сыну владельца фирмы, практически наследному принцу?! Его отец, Виктор Геннадьевич, построивший сеть с нуля ещё в девяностых, тоже добрым нравом не отличался. Но сына, кажется, воспитывал не в Англии, как было сказано в пресс-релизе, а в клетке с тиграми, чтобы рычать научился. Тот выпустился с красным дипломом. Теперь при одном появлении царевича в офисе все концентрируются на задачах в мониторах и дышат через раз, ожидая, на кого он выверится. Страшно подумать, что будет, когда постаревший отец отдаст ему все бразды управления компанией! Многие из наших уже начали обновлять резюме на Хэдхантере¹.

Я тружусь переводчиком в отделе закупок торговой сети «Жираф» достаточно давно и уходить не собираюсь. А потому с грустью вспоминаю прежнюю начальницу Дашу, приятную, рассудительную и спокойную, которую турнули три месяца назад, чтобы посадить на царствие его высочество Андрея Викторовича.

– Вы видели новую форму отчёта, которую он скинул? – с возмущением сказала Аня. – Якобы по международным

---

¹ Сайт для поиска работы.

стандартам прозрачности предприятия. Это же бред! И лишние два часа работы каждую неделю!

– Можно подумать, они у нас есть, – буркнул Максим, старший закупщик.

– Ага, – ответила я и уткнулась в салат с своей тарелке. Очень полезный, зелёный, весенний, трава-травой! Тьфу...

Да уж, у меня в жизни и так ничего не было, кроме любимой работы. Скоро останется одна нелюбимая... Мне не пятьдесят лет и даже не сорок, а всего двадцать семь, но у меня нет мужчины, любовника и даже кота. На шерсть аллергия, в смысле на кошачью. На мужчин в некотором роде тоже. Просто муж ушёл два года назад, оставив ипотеку, оформленную на меня, квартиру без обоев и почти без мебели – на них денег не хватило, зато с древним пианино, разбитое сердце и записку с пожеланием найти своё счастье... Вот только как и где его искать, не уточнил. Я и не ищу. Подруги все замужем, у них семьи, а у меня кредит. В свободное от работы и подработок время я ищу счастье в книжках, музыке и в шоколаде. В нём оно точно есть, я проверяла, особенно в тёмном с орешками.

* * *

Увы, после обеда наследный принц впервые вызвал меня на ковёр. Раньше мне удавалось переводить тихо и незаметно в своём углу, а задания получать по электронной почте и по

почте же отправлять. Но сегодня явно был не мой день.

– Что это?! – с вызовом спросил Андрей Викторович и бросил на стол кипу бумаг.

Я осторожно покосилась и спросила:

– Договор с китайскими поставщиками?

– Нет, филькина грамота, – жёстко сказал он и поджал свои красиво очерченные, но бледные губы. – Столько опечаток, что договором это язык не повернётся назвать!

– Простите, – потупилась я. – Я случайно... Я исправлю...

– Уж постарайтесь! – рявкнул младший «Жирав». – Я не потерплю дилетантства и разгильдяйства!

Я подняла глаза, чувствуя себя виноватой. Слова оправдания вертелись на языке, но вдруг я поняла, что впервые вижу нового шефа на расстоянии директорского стола. А потому в животе что-то ёкнуло, и сами собой вспомнились слова Анжелы: она смогла бы в него влюбиться. А я? Как всегда, в самый неподходящий момент у меня появились самые неподходящие мысли. Я отметила про себя красивое лицо, высокий лоб, перечерченный складкой недовольства, сдвинутые, чёрные брови над голубыми, злыми глазами, каштановые волосы, чем-то порочные губы, бледные высокие скулы и упрямый подбородок. Всё это вкупе прекрасно подошло бы коварному, киношному вампиру. Мерзкий тип. Интересно, сейчас поорав на меня, порозовеет? Или только кровь невинных дев придаст юной свежести его коже? А мы ведь ровесники вроде...

Боже, о чём я думаю?! Это всё равно как во время секса решать, стоит ли побелить потолок! Я сглотнула, убрала упавшую на лоб прядь похолодевшими пальцами и почувствовала себя ещё более неловко.

Тем временем вампир продолжал меня отчитывать:

– ...имейте в виду, если вы английский на двухнедельных курсах учили, можете сразу подыскивать себе другое место!

– Извините, – у меня от волнения сел голос, а внутри забушевало цунами.

Он меня за пару ошибок уволить собрался?! А мой красивый диплом и грамоты?! А пять лет верной службы компании не в счёт?! Внеурочная работа? Понимание приоритетов начальства? Ярость вспыхнула в груди, но не выплеснулась наружу. Зато я твёрдо сказала себе: нет, в этого субъекта я бы не влюбилась. Никогда и ни за что! Даже в триллере и в фильме ужасов, где ему и место. Он омерзителен! Злой, отталкивающий, зарвавшийся мажор, тут влюбляться не во что, я в мужчинах не внешность ценю. Одного красавца мне хватило, до сих пор оправиться не могу.

– Чтобы к обеду было всё исправлено! – прорычал царевич. – Иначе уволю!

Порозовел, сволочь!

Я забрала бумаги с красными исправлениями и поторопилась сбежать. Чуть не убилась, потеряв не хрустальную, а растоптанную туфлю на плоской подошве на лестнице, ведущей из «поднебесного» кабинета царевича в опенспейс для

офисного простонародья. Я бросилась в свой угол, села за компьютер и замерла. Сердце стучало, как оглашенное. Тёмный монитор отражал мои испуганные глаза, некогда затянутые в пучок волосы, теперь распушившиеся так, будто дыбом встали, в панике застывший вздёрнутый нос и мешковатую вязаную кофту поверх деловой рубашки. А ещё прижатую к груди пачку документов.

– Ты чего, Катя? – громким шёпотом спросила Аня. – Выдохни!

И я выдохнула, виновато улыбнувшись:

– Вот. Накосячила случайно...

– Ничего, все мы косячим, – кивнула Аня, подмигнула мне по-дружески: – Не обращай внимания на всяких там!

Я еле сдержала всхлип. Я не могу остаться без работы! Категорически! У меня ипотека!

Дрожащими пальцами я отломилла кусочек шоколадки, сунула её в рот – заесть стресс, а затем принялась за ошибки. Впрочем, вместо перевода в голову снова лезли совсем другие мысли. Наверное, дело в запоздавшей весне и в пьянящем воздухе, просачивающимся в створку приоткрытого окна. В этом году весна тужилась, пучилась, плевалась снегом, сосульками и окатывала морозом, пока, наконец, не разродилась, ошарашив нас резким теплом и неадекватным таянием снегов.

Я взглянула в документы и ужаснулась: пятьдесят оттенков красного. Как я наделала столько ошибок?! Не знаю...

Вообще-то я человек ответственный. Села перепроверять, даже в Кэмбриджский словарь заглянула и обнаружила, что вовсе не ошибок было там много, а придирок. Что же мне теперь, высылать переводные документы со ссылками на сайт Кембриджского университета? Или он просто так подпитывается? Реально вампир!

«По соглашению сторон...» – переводила я, а сама думала: «Ну почему одним даётся всё? И фигура? И финансовое благополучие? И компания в наследство? И черты лица, как у актёра из рекламы мужских духов? И возможность путешествовать? Уже полмира, говорят, объездил. А сердца нет и никакой маломальской человечности...»

«Форс-мажорными обстоятельствами считать...», – печатала я, перелистывала страницу и додумывала дальше: «...считать ипотеку без мужа и родителей. Ну да, я ошиблась несколько раз. И да, выгляжу так себе. И денег у меня нет. Зато я не ору ни на кого. С соседями здороваюсь приветливо. Старикам в квартире напротив помогаю и на площадке мою за всех полы. А на восьмое марта мне склад особенный подарок подарил – не косметику, как всем, а плед и книгу! Потому что для меня важнее душа, человечность! Даже ребята со склада это понимают, не то что некоторые... Жирафы!»

Я всё исправила и выслала шефу по почте, надеясь больше не заглядывать в его кабинет и не видеть царевича ближайшее столетие. Но он меня снова вызвал. Отчитал упреждительно и надавал заданий, как мачеха Золушке, сказав:

– К утру завтра это должно быть готово!

– Но тут же... – открыла я рот, понимая, что за половину рабочего дня столько документов не подготовит и цех переводчиков.

Новый босс посмотрел на меня сухим, как искусственный лёд, взглядом:

– Я разве вас спрашивал о чём-то?

Кажется, он меня сливает. Наверняка решил взять на работу кого-то «своего». У меня пересохло во рту, и я только кивнула:

– Нет. Хорошо. Я сделаю.

* * *

Весь остаток дня я просидела за компьютером, не поднимая глаз. Телефоны звонили, электронная почта попискивала сообщениями с красным флажком. Девчонки из отдела то работали, то шушукались. До моего уха долетало:

– Андрей вроде женат... Да нет, не женат. Я спрашивала у Сони из отдела кадров. Про жену не написано в личном деле. Знаешь, а он всё-таки ничего! Ничего хорошего... Ужас на крыльях ночи! Меня от него в дрожь бросает! Он тебя ещё ни разу не распекал? Ну, погоди...

Около пяти я подняла голову и увидела спину куда-то торопящегося босса. Домой наверняка побежал! К моделям-любовницам, по клубам, развлекаться! Ненавижу!

Злая, как чёрт, я надела наушники с подборкой любимых песен и углубилась в перевод.

Рабочий день, отмеренный трудовым договором, уже давно закончился, в моей голове гудело, за окном стало темно и на пространство открытого офиса тоже спустилась ленивая, сизая тень. Народ разошёлся по домам, компьютеры за перегородками потухли в режиме сна, только мой с бесконечным файлом работал, а пальцы стучали по клавишам.

Устав от музыки, я стянула наушники. Осталось не так уж много, но желудок требовал подкрепиться хоть батончиком из автомата. Да и кофе не повредит, чтобы вновь не наделать ошибок.

Я осмотрелась и с удивлением обнаружила, что окна кабинета над лестницей светятся. Не успела я найти в кошельке монетки на Сникерс, как дверь в кабинет царевича распахнулась и раздался гневный рык. Я вздрогнула и увидела силуэт с телефоном в руке, совсем тёмный на фоне ярко жёлтого прямоугольника. Я поёжилась и выключила настольную лампу – хоть бы меня не заметил! Ещё скажет, что раз я остаюсь допоздна, значит, не справляюсь со своими обязанностями.

Но, к моему ужасу, видимо, так он и подумал. Потому что Андрей Викторович бросился прямиком ко мне. Я втянула голову в плечи, стараясь на него не смотреть. Если начнёт увольнять, буду сопротивляться. Изо всех сил. Хоть я и ненавижу конфликты...

Царевич королевства «Жираф» встал передо мной, фыр-

кая и храпя, как взмыленный боевой конь. Я сделала вид, что погружена в работу и не замечаю его присутствия.

– Вы здесь! – рявкнул он. – Почему?!

Ну вот, начинается. Я со вздохом убрала руки с клавиатуры и ответила:

– Выполняю ваше задание. Я ведь пообещала закончить его к утру... – Я подняла глаза и оторопела.

Наш царевич-вампир выглядел взъерошенно и совсем не по-королевски. Кажется, с лестницы он спускался вниз головой. И пиджак торчит, неправильно застёгнутый. Глаза начальника сверкнули, словно он осознал что-то важное.

– Значит, ответственная! – заявил он.

Я моргнула, не понимая, к чему он клонит. Вроде, иронии не расслышала. Ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Андрей Викторович констатировал:

– И вы женщина!

Капитан-очевидность. Я кивнула снова, а в груди противно заныло: я что, так плохо выгляжу, что он даже сомневается?

Но царевич, пытаясь вернуться в «свою тарелку», одёрнул пиджак, пригладил стоящие дыбом волосы одним движением и громко сказал:

– Екатерина, вы нужны мне как женщина! Прямо сейчас! Что?!

Глава 2

– Екатерина, вы нужны мне как женщина! Прямо сейчас! – заявил на весь опустевший, тёмный опенспейс царевич Андрей.

– В к-каком смысле? – у меня отвисла челюсть.

– Собирайтесь, расскажу по дороге, – выпалил он. – Времени нет.

– Но перевод...

– К чёрту перевод! – рыкнул царевич, как голодный тигр.

А мне очень захотелось влипнуть в кресло и домучить документы, вылизать их и перепроверить, перевести повторно и переночевать в офисе, вместо того, чтобы идти куда-то в ночи с этим озверевшим вампиром.

Я вжалась в спинку стула и пробормотала:

– Вы сказали, что меня уволят, если завтра я не сдам...

– Не уволю! Идёмте уже! Ко всем чертям!

Я бессознательно обвила ногами ножку стула – если ко всем чертям, то пусть катит вместе с креслом. Оно хотя бы моё, родное почти. С пятнышком от йогурта и просиженной седушкой.

– Давайте я не пойду? – сглотнув, ответила я.

– Не пойдёте?! – Царевич взглянул на меня так, что в моём животе всё окончательно заледенело, превратилось в сосульки и тоскливо завывало. Он проскрежетал: – Так значит? С

вами по-хорошему... А, выходит, надо только по-плохому?

О Боже, он всё-таки хочет меня уволить, – поняла я с ужасом и перед глазами встало большими красными цифрами пятое число на календаре – дата выплаты очередного транша в ипотеку. Отчаяние забило молоточками по вискам, меня накрыла паника, а в этом состоянии я совершаю разные поступки, чаще всего неумные, и я выкрикнула:

– Андрей Викторович, я не хочу с вами спать!

Царевич моргнул и выпрямился так, словно сзади его огрели лопатой.

– Зачем спать?! – спросил он недоуменно. – Я сегодня спать не собирался.

Боже, всё пропало! Он собрался веселиться всю ночь?! Ну что же, ему моделей в клубах не досталось? Если невтерпёж, есть же ночные бабочки. Элитные даже. Они рады будут, он ведь богатый и красавец, хоть и бледный. А я... я же совсем не его весовой категории и не их! В этой вязаной кофте и штанах я наверняка выгляжу асексуально. Неужели, его такое заводит? Что делать?! Автоматически взлохматив волосы – вдруг испугается и передумает, – я слегка подалась вперёд:

– Прошу прощения, вы сказали, как женщина... я вам нужна... Так вот знайте, мои принципы... И вообще я не...

– Принципы – это хорошо. Тем более хорошо, – кивнул он и нахмурился, будто просил не чего-то такого, а за хлебушком сходить: – Долго мне вас ещё ждать?

Я громко выдохнула и отцепилась от кресла. На подлокотниках остались следы от моих влажных ладоней. Голова закружилась.

– То есть мне обязательно придётся?! – во рту пересохло.

– У меня нет выбора, – ответил царевич и снял с вешалки моё пальто, сиротливо висящее во мраке, похожее на бэушные крылья ангела. Чёрного...

Царевич подал мне пальто, я закашлялась. Надела. И решилась:

– Нет, я всё-таки не пойду с вами, извините.

– Вы издеваетесь?! Я же сказал: у меня нет выбора! Есть только вы и всё! Какой тут, к чертям, выбор?! – в голосе царевича вдруг зазвенело такое невыразимое отчаяние, будто речь шла о жизни и смерти. В глазах его разлилась безысходность, даже гнев отошёл на задний план, будто спрятался за зрачки.

И мне стало его жалко. По-человечески. Даже сердце дрогнуло.

– Ну, если всё настолько плохо... – начала я, пытаюсь понять, чем же ему помочь: может, валерьяночки накапать – был вроде в офисном холодильнике пузырьрёк? Для успокоения. Не торговать же мне в самом деле телом из-за его прихоти?!

Однако царевич трактовал мою слабость по-своему, схватил за руку и потащил вниз по лестнице к выходу. Я еле успела сумку подхватить.

– Э-э, погодите...

– Времени нет! Я живу близко! – на бегу проговорил Андрей Викторович.

Стараясь не споткнуться, я открывала рот и выдавала хриплые междометия, как переоравшая по весне кошка, но никак не могла подобрать нужных фраз, возражений и примеров словесной пикировки, растерявшись от подобного напора. Ладонь его была крепкой, горячей и уверенной, чего не скажешь о выражении лица. Уже возле входа, взглянув на охранника, царевич резко затормозил. И я тоже, понимая, что так и не переобула свои растоптанные, как домашние тапочки, удобные мокасины в демисезонные ботинки.

– Чёрт! Портмоне забыл! Стойте! Ждите здесь! – рявкнул он и вихрем взлетел обратно – вверх по лестнице.

Охранник в синей форме поглядывал равнодушно то на меня, то в мониторы. Электронные часы показывали 23:00. Засиживаться на работе – зло! И маршрутки уже, наверное, не ходят. Я вздохнула-выдохнула и пришла в себя. Чего я стою? Зачем жду его? Неужели достаточно жалости, ипотеки и неумения сказать «нет», чтобы стать падшей женщиной? Кажется, я сошла с ума...

Чувство собственного достоинства победило. Я неловко кивнула охраннику и, пикнув пропуском, вышла наружу. Сердце колотилось: позади был неменяемый, озабоченный шеф, впереди мрак будущего, долги, коллекторы... Как камень в сказке на перекрёстке: налево пойдёшь – коня поте-

ряешь, направо – совсем трындец... Мне было направо, – там можно угол срезать и через дворы быстрее дойти. Для увеличения эффекта меня окатило дождём и холодом, ветер распатлал волосы и задрал полы пальто. Я задрожала, но пошла.

Не успела я пересечь почти пустую парковку перед нашим зданием, как спринтерским бегом меня догнал Андрей Викторович и щёлкнул кнопкой сигнализации. Прямо перед моим носом сверкнул жёлтыми фарами мрачный танкообразный внедорожник. И шеф прокричал:

– Хорошо, что вы пошли к машине! Надо быстрее! Садитесь!

Я посмотрела на запыхавшегося царевича, окончательно убедившись в его ненормальности, а он резким движением распахнул водительскую дверь и выпалил:

– Ну скорей же! Она одна дома! А ей всего три года!

– Кому?! – опешила я.

– Дочери. Разве я не сказал?! – он уже сидел за рулём и нетерпливо глядел на меня. – У меня регистрация на самолёт через два часа. Я не имею права не ехать!!! Сами понимаете, что я не могу взять с собой на переговоры в Китай трёхлетнего ребенка!

Э-э...

– А ваши родители? – пробормотала я, чувствуя себя беспросветной душой и никому не нужной, как женщина.

А ведь было в этом что-то... отрицательно-романтиче-

ское: шеф-красавец и я с волосами дыбом, одетая, как синий чулок, с которым он готов прямо сейчас, иначе умрёт... Размечталась. Тьфу!

– Они в Париже на выставке, – ответил вампир. – Няня с гриппом, сменная не берёт трубку. Эта стерва, её мать, мы договорились, я предоставил все условия. А только что Лана позвонила мне и сказала, что у неё дела. И уехала, оставив дочку одну! – глаза у него горели огнём. – Одну дома!!! Вы понимаете?!

Ничего себе мать...

– Но почему вы решили, что я справлюсь? – тихо промямлила я, пытаюсь переварить информацию.

– Вы женщина. И выглядите, как нормальная женщина, а не какая-то фитоняшка, – буркнул царевич. – Не конфликтная, ответственная. С принципами. Не оставлять же мне девочку охраннику или консьержу?!

Я вздохнула и села на пассажирское сиденье. Царевич завёл автомобиль и надел ремень безопасности. Я не удержалась от вопроса:

– А вдруг я не такая, какой кажусь? Как вы можете доверить мне ребёнка? Ведь вы меня толком не знаете...

Андрей Викторович одарил меня взглядом Дракулы и ответил с нехорошим прищуром, с каким обычно предлагают лопату и самому себя закопать:

– Зато я знаю ваш домашний адрес и паспортные данные. Резонно.

Я тоже пристегнулась, хотя вряд ли это поможет. Особенно моей самооценке. Если в последний год она болталась на уровне плинтуса, то только что издохла в скорбных муках. Пока она дёргалась в последних минутах агонии, внедорожник мчал по полупустому, залитому дождём городу. Проехали мы действительно немного. Я с большой осторожностью поглядывала на начальника. Он вёл сосредоточенно, и по мрачному лицу вампира можно было скорее предположить, что едем мы в склеп и сразу за лопатой, а не за ребёнком присматривать. Происходящее казалось мне фарсом.

У элитной новостройки машина притормозила. Андрей Викторович сказал хмуро:

– Не беспокойтесь, Катерина. Ваша помощь не будет принята как должное. Я отплачу вам сторицей.

– Ну что вы... не стоит... – пробормотала я, а самой уже хотелось плакать. И развидеть сегодняшний день, и этого принца-вампира на джипе. А особенно раздумать всё, что надумала только что.

Он ничего не ответил. Мы вышли из машины. Андрей Викторович со слишком суровым для его возраста лицом и я следом, нервно сжимая в руках сумку. Прошли мимо консьержки, сели в лифт. Царевич нажал на кнопку с цифрой шестнадцать, а я не решалась открыть рот. Лицо его было если не злым, то очень опасным. Наконец, мы вышли. Царевич достал ключи. В моей голове промелькнула мысль, что возможно, это всё-таки розыгрыш или он извращенец, а я – пол-

ная дура, набитая и неисправимая, и тут дверь открылась...

В ярко освещённом коридоре, на светлом ламинате стояла босиком в пижамке со слониками кудрявая, как одуванчик, темноволосая кроха. Она держала за заднюю лапу плюшевого медведя и часто моргала, надув губки. Собиралась плакать. Увидев вампира в пиджаке, вмиг передумала, расплылась в улыбке и бросилась навстречу:

– Мама!

– Солнышко! – не своим, ласковым голосом выдал вампир и рванул к ней, согнувшись пополам и подхватывая на руки чудо в пижамке. – Маруся, кузeka моя! Ты почему не спишь так поздно?

Малышка снова надула губки и обиженно сказала:

– Я плюснулась, а мамы неть. А там бабайка... Гулгуш. Я боюся...

Растеряв всю строгость, мажористость и намёки на возможность рычать, Андрей Викторович просюсюкал:

– Какой такой Гургуш?! Никакого Гургуша тут нет! Он к тебе под кроватку носа не сунет. Знаешь почему? Потому что папа его съест!

Это он может, – невольно кивнула я, замороженно глядя на ребёнка и понимая, что я её где-то видела. Только вот где? И когда? Ощущение опасной нереальности, сетования и внутренние вопли в моей голове затихли, а к сердцу осторожно подкралось тепло.

– Плавда?! – ахнула малышка, всплеснула ручками и тут

заметила меня. – Мапа, а это кто?

– Это Катя, – совсем как нормальный человек, сказал Андрей Викторович. – Она хорошая-хорошая. И не пустит к нам в дом ни Гургуша, ни бабайку. Потому что она ответственная и у неё есть принципы, – более строго добавил он, взглянув на меня.

– О! – Ребёнок засунул пальчик в рот и посмотрел изучающе.

Натуральный ангелочек в каштановых кудряшках с дореволюционных открыток.

Я заулыбалась сама собой, сбросив остатки оторопи.

– Привет, Маша!

– Ты не Катя, ты плинцесса. Возьми меня на лучки, – заявила она и потянулась ко мне.

Царевич удержал дочку на секунду, расцеловал круглые щёчки, а затем передал аккуратно. Не очень уверенно, словно в последний момент засомневался. Удивительно, но сейчас он был не бледным и совсем-совсем не вампиром, а даже приятно-милым, будто бы черты лица его изменились. Малышка посмотрела на царевича, на меня и рассмеялась. А я лишь улыбалась, подхватив её и совершенно не представляя, что делать.

– Я знал, что вы поладите, – сказал царевич. – Маруся, Катя побудет с тобой, пока папа слетает в Китай за сказочным драконом. Помнишь, я тебе говорил утром?

Девочка кивнула и переключилась на меня, вниматель-

но рассматривая большими карими глазёнками в пушистых ресницах. Андрей Викторович ещё ласковым голосом, но уже с начальственной льдинкой посмотрел на меня:

– А Катя ответственная и умная, поэтому папа привезёт ей подарки. И денежки. То есть подпишет отгулы и премию. И навстречу тоже пойдёт, когда попросит. Но если вдруг что-то...

Внезапно одарённая детским теплом, запахом молока, пряников и доверия, я поняла, что мне хочется остаться, несмотря на страх накосячить – ведь у меня не было своих детей и, как сказал врач, никогда не будет...

– Всё будет халашо. Мне нлавится Катя, – сказала малышка и обняла меня за шею.

– Да, хорошо, – повторила я.

Андрей Викторович улыбнулся дочке, поднял глаза и воззрился на нас с недоумением. Постоял, изумлённо моргая. Затем вспомнил про время и сообщил:

– Я буду звонить. И вы звоните. По любому вопросу. Ключи от квартиры здесь, на полке. На холодильнике указания про Машу. Контакты. В квартире можете пользоваться всем, что потребуется. Запритесь на верхний замок. Ложитесь спать.

Он ещё раз внимательно и очень недоверчиво посмотрел на меня, ласково чмокнул дочку и вышел.

Мда... Вот тебе и вампир, ужас на крыльях ночи.

– Ты будешь моя Катя? – спросила малышка, поуютнее

устраиваясь у меня на руках. – Ты вкусно пахнешь.

– Буду твоя. И что мы с тобой будем делать? – спросила я.

Держа чужое сокровище, я сделала шаг вперёд по коридору и оторопела, увидев в зеркальной дверце шкафа-купе наше отражение: у меня на руках сидела маленькая я. В пижамке со слониками.

Глава 3

Малышка зевнула и сказала:

– Давай тепель я буду плинцесса, а ты мне песенку споёшь?

– Давай, – согласилась я.

Поставила на пол Машу, сняла, наконец, пальто и выступила из мокасин. Положила сумку на полку под зеркалом. Маша подхватила с пола брошенного медведя и побежала внутрь квартиры, шлёпая по полу босыми пяточками.

– Я здесь!

Я пошла на голос и, миновав большую тёмную комнату, оказалась в детской. Она была просторной, с ночниками в виде цветов, бабочек и птичек, светящихся по разным углам и придающих детскому царству неоновому волшебства. В окно, пробиваясь в свободное пространство меж пышных штор, заглядывал ночной город. Мне в глаза бросилось огромное количество игрушек, детский столик со стульчиком и что-то громадное меховое в углу слева. Маша залезла на кроватку, забыв про медведя, попрыгала и бухнулась с лёту на подушку.

– Ласскажешь мне сказку?

– А как же песенка? – удивилась я.

– Сказку. Пло колобка.

– Ну хорошо. – Я села на край кроватки и попыталась из-

влечь из памяти давно забытую историю про кочующую сдобу.

Чёрт! Как же там было? А!

– Жили-были дед и баба. Домик у них был уютный у леса, огородик, цветочки в саду и красивые занавесочки на окнах.

– В галох? – спросила Маша, хлопая ресничками.

– Ага, в голубой.

– Нет, лучше в класный!

– Ладно. В красный, – согласилась я. – Захотел однажды дед вкусненького, он вообще был тот ещё сладёна.

– Как мапа! Как мапа! – развеселилась Маша и захлопала в ладоши.

– Угу. Вот дед и говорит: «Бабуля-красотуля, свет души моей, испеки мне пирожок».

– А колобок где?! – удивилась малышка.

Я таинственно улыбнулась:

– Колобок тоже будет. В следующем эпизоде.

– Тогда по сусекам-по сусекам... – подсказала Маша, свернулась клубком и положила голову мне на колени.

Я погладила пушистые волосики.

– По сусекам да уж, пришлось бабке поскрести, в карманы курток позаглядывать и старые сумочки повыворачивать – вдруг монетка найдётся.

– Зачем?

– На сахар. У стариков был кредит на избушку, поэтому еды особо в доме не было... И обоев, – вздохнула я. – А де-

нежек так тем более.

Однако не успела я извратить сказку по полной, превратив «Колобка» в кредитный фильм ужасов на основе реальных событий, как малышка поёрзала-поёрзала и мирно засоспела. Где-то тикали часы, где-то шуршали шинами автомобили по мокрой мостовой, а в сказочной детской у меня на коленях спало кудрявое чудо. Трогательное, нежное, маленькое.

Я боялась пошевелиться и смотрела на малышку, как зачарованная. Моё сердце растекалось тёплыми лужицами любви. Мне стало хорошо и ласково, пока не резануло осознанием: «А у меня такой никогда не будет...». Я поджала губы, чтобы не заплакать и не разбудить всхлипами малышку. Нос забился. Вот-вот хрюкну или разревусь. К глазам предательски подступили слёзы.

Я осторожно переложила девочку на подушку и пошла из детской, оставив дверь приоткрытой. Прошмыгнула в коридор как раз вовремя – зазвонил мой телефон. Я поспешно подняла трубку и прошептала, оглядываясь на детскую и прикрывая рот рукой:

– Аллё... – хрюкнула-таки. Встрепенулась и за неимением под рукой салфетки, вытерла нос тыльной стороной кисти. Хорошо, что никто меня не видит, но ужас!

– Как у вас дела? – напряжённо спросил царевич, словно ждал, что у нас уже стены обрушились под натиском бабаек, взорвалась кастрюля с кашей и на крышу упал неучтённый

цирком слон.

– Всё хорошо, – тихонько ответила я уже более нормальным голосом. – Она заснула.

Отчего-то мне было стыдно за свои, так и стоящие комом в горле слёзы.

– Хорошо, – ответил он с облегчением. Помолчал немного и добавил: – Спасибо.

– Извините, Андрей Викторович, а как мне завтра на работу выходить? Кто-то придёт меня сменить?

– Не знаю, – нервно ответил он. – Возможно. Я дам знать. И положил трубку. Через минуту позвонил снова.

– Я даю вам на завтра отгул. В любом случае, – пробурчал царевич. – Но скорее всего вам придётся побыть с Машей. Пока цейтнот. Потом я что-нибудь придумаю...

– Да я могу и посидеть, мне не сложно. Маша очень милая, – вырвалось у меня, а сердце снова потянулось в детскую – убедиться, что мне на самом деле подарено на несколько часов это чудо.

– Спасибо.

Он снова положил трубку. И через секунду перезвонил – у него тариф, что ли такой – «Короткий звонок» называется? Или хочет, чтобы его полиция по звонку не отследила? Я сказала:

– Вы Машу так разбудите.

– А вы поставьте на вибрацию, – распорядился он жёстко, но тут же сменил тон. – Я подумал, что вам надо переодеться.

– Да не стоит, право... – пробормотала я.

– Не перебивайте! – рыкнул он, и я прижала уши. – В гардеробной, в шкафу слева от входа есть чистый халат и нераспакованные футболки. Возьмите любую. Тапочки для гостей, полотенца, постельное бельё. Всё найдёте на полках. Горничная была предупреждена и всё подготовила.

– Но мне неловко...

– Это мне неловко! – огрызнулся он. – Почему вы гундосите? У вас же не было насморка!

– В глаз что-то попало, – соврала я и опять вытерла забытый сожалениями о несбывшемся нос.

– Умойтесь. В квартире две ваннные комнаты. Пользуйтесь любой. Я вижу, что вы слишком щепетильны. Оставьте это до офиса. Считайте, что вы в гостях. Берите без спроса всё, что нужно. На кухне есть холодильник, в нём достаточно продуктов. В резной шкатулке на полке я оставил карту, если что-то потребуется купить. Пароль там же на стикере. Мультиков Маше показывать не больше пятнадцати минут в день. Конфетами не баловать. На обед обязательно суп.

– Хорошо. Спасибо.

– Я туда и обратно. А вы ложитесь спать, – приказал он.

Послышались короткие гудки. На этот раз царевич не перезвонил. Офигеть, какой контролёр! Я пошла исследовать его жилище, на поверку оказавшееся квартирицей метров на сто двадцать, напигованной электроникой и ультрасовременной мебелью. Дорого. Видимо, стильно. Но я такое не

люблю. Когда-нибудь, когда у меня появятся деньги, – верю, что этот день наступит, если даже и к пенсии, – так вот я куплю в свою квартиру что-то более уютное, ближе к классике: диван с кучей атласных подушечек, в тон шторы, большое, мягкое кресло, чтобы можно было забраться с ногами и пить чай, слушая дождь, как сейчас. А ещё у меня будет книжный шкаф или стеллажи, на которые я расставлю кучу всяких ненужных, но милых фусечек... Ох, как же мне хотелось тратить деньги на чудесную ерунду!

Я заглянула в следующую комнату. Тут тоже был книжный шкаф, на полках которого весьма вольготно чувствовали себя книги о бизнесе, маркетинге, стратегиях развития и управлении персоналом. Непонятно как между «Критической целью» Голдратта и учебнику по нейролингвистическому программированию затесалась Анна Каренина. Силён Толстой Лев Николаевич! Ему даже бизнес-акулы ни по чём!

Я читала корешки томиков про персонал и думала: надо бы вампиру какую-нибудь книжку про человечность подсунуть, про ценность людских ресурсов и дружественных отношений. И о высоком что-нибудь. Вдруг бы он прочитал случайно и бац – осознал, что орать на подчинённых нехорошо, пусть они и ниже в пищевой цепи, но не муравьи всё-таки...

Жаль, не успею – ледяной царевич слишком быстро вернётся. Хотя, конечно, до Пекина и обратно – это не на самокате в парк отдыха сгонять.

Вздохнув, я продолжила рассматривать предметы быта

«великого и ужасного», чувствуя себя, как Бобик в гостях у Барбоса. Бобику было любопытно, но по большей части не комфортно, ведь известно, что Барбос горазд рычать и откусывать головы. Главное, чтобы после всего этого «Дедушка», точнее владелец нашей сети Виктор Геннадьевч Гринальди не турнул меня с работы. Не сомневаюсь, кто-то из них заставит меня подписать договор о неразглашении, чтобы сор из избы не...

Почему-то при слове «договор» в голове заиграла песня Элли Гулдинг из фильма «Пятьдесят оттенков серого» – там героиня с договором про подчинение носилась, как дурень со ступой. Правда, мне представилась не Анастейша «как-там-её», а орущий на меня вампир-красавец. В животе затикало, я покраснела: что-то я совсем не о том думаю! И я таких типов терпеть не могу! Хотя улыбался он дочурке так мило... От неожиданности меня чуть не снесло обаянием.

Я обернулась – с фотографии на полке смотрел с укоризной Андрей Викторович, строгий, хмурый – вот-вот заорёт. Я сглотнула, споткнулась о рассыпанный на дорожном ковре конструктор Лего и полетела носом вперёд. Растянулась бы, если бы мой полёт не прервал роскошный диван. Кожа-ный, красный... И я опять подумала не о том. В бёдрах запulsировало активнее и стало жарко.

Чёрт, это явно побочные эффекты моих выдумок про чужую страсть. Оговорочка по Фрейду получилась. Не удивительно: секса у меня не было уже два года. Если один раз по-

сле ухода мужа не считать. Но от той пьяной, яростной мести и желания кому-то чего-то доказать у меня до сих пор голова болит и хочется под землю провалиться. Снова одолела неловкость, словно я своими мыслями в чужой дом мусора нанесла.

Я застыла на коленях и вытянутых руках, опираясь на диван, глянула на стену и обнаружила, что на светлых обоях над кожаным элементом фильмов для взрослых было нарисовано фломастерами нечто очень цветное и экспрессивное. Машины проделки. Я склонила голову, пытаюсь понять: это баба-яга или трактор?!

* * *

Большие электронные часы показывали полночь. Самое время превратиться в тыкву или снять, наконец, шерстяные штаны, от которых уже кожа чешется. Забивая сказкой о Колобке мысли о неприличном, прущие в голову, как бешеные кони, я поспешно нашла гардеробную, а в ней запечатанную футболку и тапочки. Выйдя, уставилась на установленный вместо кровати безразмерный плацдарм в спальне босса. Смятый, словно по покрывалу кто-то прыгал. И красивый, ледяной царевич вдруг представился мне не одетый... Дыхание спёрло, воображение вздыбилось. В животе стало горячо.

Я опомнилась, замахала на себя руками и, постыдно сбе-

жав, постелила себе на диванчике в детской напротив Машиной кровати. Малышка сладко спала.

Журя себя, напомнила, зачем я тут. Возможность пообщаться с ребёнком куда важнее! Для такой, как я, она вообще бесценна. Так что это мне надо шефу приплатить... Наверное.

Я легла, накрылась одеялом, вжала голову в плечи и призналась себе в очевидно-неприятном: мы думаем о том, что болит. А то, о чём подумала я, когда ко мне явился Андрей Викторович, вызывает вопрос: кто из нас самом деле озабоченный маньяк? Кажется, не он.

Внезапно в коридоре открылась дверь, кто-то осторожно вошёл и... уронил ключи.

Глава 4

Кто бы это мог быть? Ночью!

Я вытаращилась в ночи на косящую на меня неоновым глазом колибри. Волосы встали дыбом. Логика подсказала: если с ключами, значит, точно не грабитель. Хотя вдруг неуклюжий вор грохнул об пол связкой отмычек?

Я поджала губы: нет, это только я везде грохаюсь... Я скривилась от догадки: ах, это наверняка деловая маман вспомнила о дочке. Мне сразу представилась подвыпившая молодая дива на лабутенах, а затем скандал, который она закатит, увидев в квартире меня, то есть постороннюю девушку в одной футболке. Андрей Викторович сейчас уже должен быть в режиме полёта, не дозвониться. Я похолодела: она же меня и в полицию может сдать! Судя по поведению, эта самая Лана не слишком адекватна... Чёрт!

Или это Виктор Геннадьевич срочно вернулся из Парижа ночным рейсом? Час от часу не легче! Чёрт! Чёрт! Он сразу подумает, что у меня с его сыном интрижка... А он такого не любит, я помню, как уволил Ларису из отдела кадров, которая слишком распушенно повела себя на корпоративе. Меня нахлобучило паникой, и я не нашла ничего лучше, как спрятаться под одеялом – когда в таких ситуациях в кино герои лезут проверять, кто и что, обязательно остаются без головы. Нет уж, мне и с головой нелегко живётся!

Я услышала тихие шаги. Забыла, как дышать. Кто-то открыл дверь, постоял секунду и закрыл. Я замерла. Жаль, по дыханию не определить, кто это: мужчина или женщина. И вообще из-под одеяла ни черта не определить.

Шаги отдалились. Я высунула голову и села. Тьфу! Что за день сегодня?! Позвонить царевичу? Я оглянулась и осознала, что, как на зло, оставила телефон возле сумочки в прихожей. Прислушалась, повела носом, как суслик в степях. Неизвестный бабайка походил немного, чем-то снова грекнул и затих. Я осторожно спустила ноги с дивана. Крадучись, прошла к двери и открыла. В щёлочку протиснулась темнота, еле уловимый запах спиртного и тиканье часов. Видимо, пришедший лёг спать. Точно маман!

Я ещё постояла-постояла в нерешительности. Потом прикрыла плотно дверь, взяла из кучи игрушек что-то непонятное, больше всего похожее на палку. Деревянное и достаточно увесистое. Кажется, это был жираф. Глянула на Машу – кроха посапывала, беззаботно раскинувшись в кроватке. Я накрыла её одеяльцем, вздохнула и села на свой диван. Буду сторожить.

Сколько времени просидела я так, прислушиваясь, разглядывая уголки темноты, неоновые ночники и пытаюсь разгадать в наваленной куче игрушек, кто есть кто, не знаю. Но как-то незаметно для себя провалилась в сон.

– Афф! – разбудило меня радостное, но приглушённое. Я встрепенулась, ничего не понимая, где я, кто и что, и вдруг возле моего живота под одеялом зашевелился тёплый комочек. Что-то пушистое ткнулось мне в ладонь, я откинула одеяло и задорная детская рожица повторила: – Аф! Аф!

– Маша... – пробормотала я, растаяв.

– Нет, я не Маша, я собачка. Аф-аф!

Я хмыкнула. Накрыла её краем одеяла. А малышка захихикала и сказала:

– Я в нолке!

Я открыла одеяло снова, и Маша залилась смехом. Как же тепло было от её смеха и копошения! Настоящее счастье! Я тоже рассмеялась. Но тут же вспомнила, что я чужой человек и так нельзя. И там кто-то есть!

Ох, сейчас зайдёт в комнату маман и обвинит меня чёрт знает в чём...

Я села. Часы в виде весёлого солнышка на стене показывали шесть утра. Маша, как червячок в пижамке, попятилась и снова зарылась в моё одеяло.

– Вылезай, котёнок! – сказала я.

– Я в нолке. И я собачка. – Маша притаилась и через секунду выпрыгнула на меня из засады и смешно зарычала: – Эллл.

– Разве ты сердитая собачка? – удивилась я, пытаюсь вспомнить, где мои штаны.

– Я тигл, – заявила Маша и забралась ко мне на колени. – Но я очень доблый тигл. Ты меня не бойсь. – Посмотрела на меня хитренько. – А ты будешь со мной иглать?

Я кивнула, продолжая выискивать свои штаны. Вроде вчера на стуле оставила. Где же они? И кофты нет. Только один носок валяется на ковре.

– Машуня, солнышко, а ты не брала мою одежду? – поинтересовалась я у новоявленного тигрёнка.

– Одежку? Какую одежду?! – сделала подчёркнуто невинные глаза Маша и театрально мотнула головой. Затем съехала на пузе с дивана и с хохотом побежала в открытую дверь. – Догони меня!

Я подскочила. Да где же моя одежда?! Не разгуливать же по чужой квартире в одной футболке, еле прикрывающей причинные места! Тем более где-то там находится нерадивая маман, возможно с похмелья. Я увидела, что кончик моих штанов торчит из-за гигантского игрушечного динозавра в углу. Ах, Маша... Я направилась туда, и вдруг что-то зазвенело, упало и раздался отчаянный детский плач. На кухне?!

– Маша! – кинулась я к ребёнку, забыв обо всём.

Малышка сидела на полу кухни, громко рыдая, а рядом валялась пустая кастрюля и крышка.

– Маленькая моя, ты ударилась? – бросилась я к ней. – Что болит?

– Лучка... – хныкала Маша и протянула мне ладошку: – Тута.

– Котёночек мой, солнышко, не плачь, маленькая. Я сейчас поцелую и всё пройдёт, – подхватила я кроху на руки и, убедившись, что нет царапин и ссадин, принялась зацеловывать миниатюрную ручку. – Вот, видишь. Чмок-чмок, и ручке сейчас будет не больно! И слёзки вытрем.

Шмурыгая носиком, Маша успокоилась и обняла меня. Посмотрела карими глазёнками и спросила:

– Будешь моей мамой?

Я растерянно улыбнулась и пробормотала:

– У тебя же есть мамочка.

– Я тебя хочу.

Почувствовав что-то, я обернулась с Машей на руках и замерла. В дверях стоял заспанный Андрей Викторович в одних домашних штанах и с майкой в руке. Святые все, я аж забыла, кто! Какой торс! Чувствуя, что густо краснею, я опустила глаза и поняла, что сама стою практически в неглиже.

– Извините... – пролепетала я.

– Доброе утро, – сказал Андрей Викторович и бесстыже уставился на мои ноги.

Всё разумное, доброе, вечное, в том числе и слова про утро застряли в моем горле. Я кашлянула и выпустила Машу, вырывающуюся с криком «Мапа! А где длакон?!».

– У драконов нелётная погода, – сказал царевич с полуулыбкой и чересчур внимательным взглядом, в котором

опять сквозило изумление.

– П-понятно... – Оттягивая ниже край футболки, я попятилась к детской. Юркнула за дверь и, покрываясь пятнами, выдернула нещадно измятые брюки из-под тяжёлой лапы мехового монстра. Оделась, с трудом от волнения попав в штанины. Обнаружила свой второй носок, надетый, как гномский колпак на голову пупсика. Раскопала кофту из-под подушек на полу. Запахнула ее и пригладила распушившиеся волосы. Стыдобище-то какое!

Я подошла к двери и прислушалась.

Маша болтала что-то без умолку, царевич ей отвечал. Кажется, сонно. Нервно сминая края вязаной кофты, я, наконец, решила выйти из укрытия. Идиотка! Идиотка! Идиотка! Кусая губы, прошла в кухню. Андрей Викторович уже спрятал торс под синей хлопчатобумажной майкой и набирал чайник из-под диспенсера.

– Будете с нами завтракать? – спросил он, будто ничего не случилось.

Маша в пижамке радостно запрыгала:

– Завтлакать-завтлакать! Агушу!

– Н-нет, спасибо, – ответила я, запинаясь. – Вы не улете-ли?

– Как видите. В Пекине землетрясение. Всё отменилось.

Маша залезла на стул, а я пробормотала:

– Ну, тогда я пойду? Вы же дома...

Отвлекшись от чайника, царевич посмотрел на меня,

мгновенно сменив сонное добродушие на презрение, словно я неприлично выругалась. Процедил:

– Как хотите.

– А у меня Агуша есть! – сказала громко Маша.

Я посмотрела на неё, проглатывая подступающую тоску и желание схватить чужого ребёнка в охапку и сбежать вместе с ним, даже если меня посадят. Царевич продолжать взирать на меня исподлобья. Я вздохнула и наступила на горло своим желаниям: всё это ничем хорошим не кончится. И привыкать не стоит.

– Д-до свидания, – пробормотала я, снова краснея.

Поспешно прошла в прихожую, надела пальто и мокасины, взяла сумку, шагнула к выходу и вдруг меня чуть нешибануло дверью по лбу – та распахнулась и в квартиру вошла, как подарок, красавица на диких шпильках, с чёрными, длинными, блестящими, как атлас, волосами, и в сногшибательном белом пальто. Будто с подиума. Где наливают, судя по запаху...

– Мама! – закричала позади меня Маша.

Я вздрогнула и обернулась. Меня уже никто не видел.

– Явилась? – зло процедил царевич вошедшей красотке.

– И что? – надула капризно пухлые губки Лана.

А я, чувствуя себя сироткой Марысей на чужом празднике жизни, не стала прислушиваться больше. Бочком-бочком выбралась на площадку. Дверь за мной захлопнулась. На макушку посыпалась штукатурка. Здравствуй, реальность!

Глава 5

Вышла я на улицу с явным намерением пострадать. Подумаешь, солнышко светит и улыбается? Что и говорить, жизнь не удалась.

Я увидела забрызганный грязью джип царевича. Очень захотелось вывести на лобовом окне что-нибудь типа «Козёл», даже подсознательно палку поискала. Чтобы не наделать глупостей, я прошла поскорее через элитные авто элитного двора при элитном доме, раскрыла красивую кованую калитку и оказалась на проезжей части для простых смертных. Ощущение, что меня использовали и не сподобились ни на «спасибо», ни на нормальное «до свидания» было неприятным. И отгул этот невовремя! На работу хоть придёшь и упрёшься в перевод, чтобы думать было некогда и нечем – режим «робот Вася» онлайн. И девчонки там. Мне все нравятся, кроме Сергея – он первостепенный зануда и всегда жизнью не доволен.

Я набрала Аню, она вроде как мой начальник, хотя в нашем штатном расписании чёрт ногу сломит.

- Привет! Я сегодня не выйду.
- Заболела, Катюша? – обеспокоилась Анечка.
- Нет, Андрей Викторович дал отгул.
- Ничего себе! – ахнула Аня. – С чего это подобный аттракцион невиданной щедрости?!

Признаваться, что я была няней поневоле, не хотелось. Девчонки хорошие, но мало ли что подумают. Особенно Анжела, у неё богатое воображение и всё в одну сторону: ей достаточно сказать «он мне улыбнулся», и от одних её «понимающих» взглядов и шуточек можно забеременеть, родить внебрачного ребёнка, переспать самыми неприличными из способов и почувствовать себя неисправимо испорченной. Нет уж, никому не скажу!

— Просто я допоздна вчера выполняла срочную работу... — пробормотала я.

А что, почти правда!

— Ну хорошо, — ответила Аня. — Аж приятно, что иногда в Андрее просыпается понимание, что мы тоже люди.

«Это вряд ли», — подумала я, но вслух согласилась.

Солнце светило совсем по-весеннему, небесная голубизна отражалась в лужах, расширяя мир во все стороны. Яглянула на забитую маршрутку и пожалела, что подобное расширение пространства на городской транспорт не действует. Так что пошла пешком.

В мокалинах было зябковато, ну и пусть. Зато весной пахнет. Даже странно: все торопятся на работу, а я празднично шагаю! Ветки деревьев налились соком, это чувствовалось, хоть и почки были крошечными, почти спящими. Настроение было либо поплакать, либо убить кого-нибудь, либо шоколадку съесть. Поэтому я свернула к центру и пошла по Чехова мимо старых, облупившихся за зиму монументаль-

но-жёлтых сталинок. Свернула на Пушкинскую, нашла нужный дом и спустилась в полуподвальный магазинчик под цветастым навесом. Звякнул колокольчик, в нос пахнуло запахом кофе, молочного улуна, специй и индийских палочек.

Вегетарианское кафе и лавка «Весёлый слон» принадлежало Агнессе, лучшей подруге моей тёти, уехавшей жить во Францию лет -дцать назад. Сейчас им обеим по сорок пять. Меня воспитывала бабушка, а Агнесса забегала к ней по старой памяти на праздники. Потом бабушки не стало, и теперь я заглядываю к Агнессе редко, но с удовольствием.

– Девочка моя! – встретила меня распростёртыми объятиями Агнесса, как всегда в чём-то невероятно пёстром и самого смелого кроя.

Сегодня это были широкие штаны-юбка ярко-красные с синим, оранжевая рубашка-полуплатье с синей вышивкой и накрученный вокруг шеи пурпурный с бахромой платок. Полная противоположность мне. Она обняла меня, и я уткнулась носом в тяжёлые серебряные серьги с авантюрином и запах восточного базара. Агнесса отстранила меня:

– Ну как ты, Маська?

– Хорошо, – грустно улыбнулась я.

– Врёшь, – догадалась Агнесса. – Пошли чай пить.

– Лучше кофе, – сказала я. – А у вас как дела?

Накрашенная, как героиня индийских фильмов, Агнесса развела руками с кучей браслетов, показывая на увешанные всевозможными масками, ловцами снов, батиком с изобра-

жением лотосов и индийских божеств стены:

– Ни хрена не продаётся! Кризис, мать его за ногу! – тут же шлёпнула себя по губам и сделала быстрые десять приседаний. Потом встала, покрутила бёдрами, разминаясь, и пояснила в ответ на мои вытаращенные глаза: – Это у меня аскеза такая. Мы с девчонками договорились по десять раз приседать, как только выругаемся.

– Зачем?! – опешила я, медленно снимая пальто.

– Как же зачем?! Во-первых, воспитывать чистоту речи, хотя не знаю, с такими продажами у меня наверное, скоро попа будет, как у Дженифер Лопес – накачаю. А во-вторых, – для здоровья и фигуры полезно. Весна же!

– Ага, – пробормотала я и села за деревянный столик, сделанный из нескольких паллет из-под газированных напитков и накрытый бамбуковыми салфетками. Очень демократично.

В кафе «Весёлый слон» не только меню было индийское, но и прочее было всё, как в Индии. Агнесса так и говорила: в Дели на картонке возле пятизвездочного отеля вполне может жить целая семья, должны же мы сохранить дух страны вечных коров? Так что никаких предрассудков!

Агнесса осмотрела меня критически и заявила:

– Тебе бы тоже хорошо бы поприседать. Присоединяйся!

– Да я обычно не ругаюсь.

Агнесса выставила вперёд палец:

– А стоило бы! Сидишь, как медуза тухлая, на своей рабо-

те! – Она распахнула полы моей кофты и выругалась неприлично: – Ёперный павлин, ты уже на футболки мужские перешла! Да что же мне с тобой делать?! В следующий раз придёшь в армейских ботинках и бритая под ноль?!

Тут я поняла, что забыла про свою рубашку, она осталась зарытая где-то Машей. Ой, – я схватилась за грудь, – и лифчик!

– Вот чёрт! – вырвалось у меня.

– Приседаем, – скомандовала Агнесса.

И я, хоть не собиралась, вместе с ней хором присела десять раз. Бодрит. Аж в ногах горячо стало.

– О, разругалась! А то бледная, нечёсанная, без макияжа, как спирохета. Едрить, обнять и плакать! Тьфу, да когда ж я... – Хозяйка «Весёлого слона» снова присела и схватилась за поясницу. – В следующий раз чтоб накрашенная пришла, а то у меня так попа отвалится! Я буду ругаться трёхэтажно, предупреждаю сразу!

Потом Агнесса метнулась к стойке и налила мне кофе. У неё вечно словно десять заводных моторчиков в том самом месте, которое она качает.

– Рассказывай свою беду.

– Да нет беды.

– Опа, тебя уволили, что ли? Пятница жеж, а ты не на работе с утра! – расширила глаза Агнесса. – У меня уже вот-вот посетители придут, а ты никуда не торопишься!

– Нет, не уволили.

– Жаль, – сказала она, наливая себе из тяжёлого чугунного чайничка молочный улун. – Тебе бы что-нибудь повеселее найти. Переводчик всё-таки, а не канцелярская крыса. Сидишь в своём углу, как сыч в подземелье.

– Да не как сыч... – запротестовала я. – Зато у меня зарплата хорошая, на выплату ипотеки хватает.

– А на жизнь?

Я пожала плечами.

– Ну так...

Агнесса встала и погрозила мне пальцем:

– Жить надо сейчас! А не завтра, послезавтра, когда ипотеку выплатишь или когда американцы станут нам друзьями-побратимами! Погоди-ка! – она метнулась к стойке и извлекла откуда-то из глубин планшет. – Слушай! В контакте сегодня в новостях прочла: *«Если вы не счастливы с тем, что имеете, вы не будете счастливы и со всем, чего вам не хватает!»*. Что скажешь?

– Я счастлива...

– Угу, с такими-то глазами! Больными прям! Как у побитой собаки! – разошлась Агнесса. – Нет, если ты хочешь страдать, пожалуйста. Но ведь можно не страдать! Мудрецы, хрен их знает, кто, Ошо, что ли, сказали: *«Если ты не можешь изменить ситуацию, измени своё отношение к ней!»*

Я поджала губы:

– Вовсе я не хочу страдать. Вы прекрасно знаете, как у меня всё случилось.

– Три года прошло! – воскликнула Агнесса. – Три! А ты не живёшь!

– Возможно, мне и этого мало! – огрызнулась я, выскочила из-за стола, подхватила пальто. – Пойду я.

Агнесса удивилась:

– Ну чего ты?! Обиделась, что ли?

– Нет, – буркнула я, чувствуя, как глаза наливаются слезами. – Мне надо идти!

– Девочка моя...

Но я сбежала. Поговорила, называется. Агнессе меня никогда не понять! У неё какой-то наркоманский настрой на позитив, а если во мне нет позитива, что тогда? Но всё равно пока я убегала от правды в глаза, в голове брнчало обиженное: «Не хочу я страдать! Не хочу! Не хочу!»

Я пробежалась до следующего угла, свернула и пошла тише, запыхавшись.

«И зачем мне этот чёртов выходной?!» – злилась я.

Глянула на часы на старинной башне и поскользнулась. Ветки, небо, солнце, верхние этажи старых домов закружились в скоростном полёте, но за секунду до стыковки попы с землёй я ухватилась за торчащую над головой ветку и повисла. Хлопнула веками. Фуух! Гнев как рукой сняло от стресса. Встав раскорякой, я глянула на раззявистую лужу под ногами – её только не хватало для последнего гвоздя в настроении сегодняшнего дня. И вдруг, подняв голову, я увидела кусок афиши на тумбе: «Жить...», потом на рекламном бан-

нере бросилось в глаза выделенное крупное «НАДО», повернула голову – на растяжке было написано «Сегодня!» Ого!

Я еще раз посмотрела слева направо и прочла: «Жить НАДО Сегодня!» Три раза прочла. И набрала Агнессу.

– Ой, ну ты прости меня, девочка, не хотела тебя обидеть! – виновато проговорила Агнесса.

– Я не обижаюсь, – улыбнулась я. – Уже перестала.

– Ну вот и славно. Иди обратно кофе пить.

Я снова глянула на «Жить НАДО Сегодня!» и у меня вдруг возникла мысль. Очень неожиданная, скажу я вам, мысль. Откладывала я это до больших денег, до лучших времён, чтобы потом уж если сделать, то идеально! Но в голове перещёлкнуло, и я сказала:

– Нет, спасибо! Я на днях загляну. А сейчас пойду, куплю себе обои.

– Умница! Чтобы жизнь изменилась, надо делать то, что не делала раньше, когда ехала напрямик в попу! У тебя денежка хоть есть?

– На какие-нибудь недорогие хватит! – ответила я. – Спасибо!

* * *

Я бродила по строительному супермаркету, подсчитав, что дня три просижу без шоколадок, хлеба и на работу пешком похожу. Ну и что! Не всё царевичам бессердечным жить

в нормальных условиях.

В итоге мне даже на симпатичные хватило – нашлось несколько рулонов английских по акции, остальные купила простые, светлые. И обрадовалась: будет чисто, наконец! Большого мне пока и не надо!

«Живу сейчас!» – звенело в голове, как мантра, и настроение повышалось. Нагрузившись всем, что требуется для поклейки обоев, я пошла по торговому центру, поглядывая на витрины и внезапно впервые за -нное количество времени почувствовала себя богатой! А это оказалось не так сложно...

Не знаю, как меня занесло в детский книжный, но увидев на распродаже чудесную иллюстрированную сказку про «Конька-Горбунка» я не смогла остановиться. Я же богатая сегодня! Вдобавок ещё и крошечного пони купила, кудрявого, как Маша. Обрадовалась и вдруг спросила у себя: а это ещё зачем?! Настроение, как мяч на вершине горы, покачнулось, намереваясь скатиться со всей дури вниз, но я сказала себе: «Нет. Куплю. И всё!» и легко вычла ещё семь шоколадок из своего бюджета. Пофиг.

И вдруг раздался звонок. Радостная, с пакетами, как Трындычиха с ярмарки, я неуклюже поднесла телефон к уху:

– Я слушаю.

– Это Андрей, – вдруг раздался голос шефа. – Здравствуйте снова, Катерина.

– Здравствуйте, – опешила я.

– Вы тут кое-что забыли...

– Да? – я покраснела и притворилась ветошью. – Разве?
– Я принесу завтра на работу, – сказал он.
– У нас разве рабочая суббота? – с сожалением уточнила я.

– Ах да, чёрт! В понедельник. – Царевич помолчал немного, было слышно, как что-то весело кричит Маша, у меня аж на сердце потеплело от её переливчатого голоса. Он сказал: – И ещё. Я не сказал. Спасибо вам.

– Не за что! – ответила я, просяив.

* * *

Дома я сгрузила покупки в угол и развела активную деятельность, как учуявший весну бобёр. Переделалась в маечку на бретельках и шорты – топят у нас нещадно. Телефон запихнула в карман, чтобы услышать, если с работы позвонят. Они всегда звонят, даже когда я в отпуске. Накрыла газетами кровать, журнальный столик, намешала обойного клея и поняла, что как-то надо снять бумажный китайский фонарик, служащий светильником. Глянула на потолок. Три с половиной метра.

О чём я только думала, когда покупала квартиру?!

Встала на стул. Не достать. Залезла на табуретку, подставив стопку книг – не дотягиваюсь. Лампу-то Миша вешал. Пошла к соседям напротив. На звонок не ответили. Наверняка Станислав Алексеевич ушёл собаку выгуливать. Я не

захлопнула дверь, чтобы услышать, когда тот вернётся. Растелила газеты. С радостным сердцем развернула рулон. От собственной непредсказуемости кровь в организме запенилась весёлыми пузырьками. Вот он, новый день моей жизни! Ура!

Я примерилась к рулону и так, и эдак, отрезала. А потом, подпевая себе под нос песенку, которую каждый день крутят на Европе плюс, решила попробовать снять светильник сама. Подложила тряпки под древнее пианино – оно выше всего. Поднатужилась и подкатила его к центру комнаты. Залезла на табуретку, потом на верхушку пианино. Чувствуя себя ловкой, как человек-паук, сняла осторожно с крючка фонарик. Вдруг в коридоре что-то хлопнуло и заскрежатило. Я резко повернулась и... зацепилась кудряшками за крюк. Ой! И тут пианино тихо поехало к окну.

– Нет! Нет! Нет!

Волосы потянуло, я взвигнула, чуть не уронила лампу и застыла, вытянувшись в виде буквы Зю, балансируя на одной ноге, носком другой еле доставая до края пианино, подвешенная за собственные волосы на крюк.

Мама!

Как я ни пыталась отцепиться, всё становилось только хуже – пианино медленно отползало, моя шея была готова сломаться! В лучшем случае я останусь без скальпа.

В коридоре слышались шаги и лай.

– Станислав Алексеевич! Станислав Алексеевич! – закри-

чала я во весь голос.

Но шаги затихли. Надежда упала в пятки. Что же делать? И тут я вспомнила о телефоне в кармане. Не в состоянии нормально повернуть голову, я, стараясь не дышать, достала из заднего кармана шорт смартфон. Провела пальцем, ткнула на контакты, пытаюсь набрать соседа. Пошёл звонок, и раздался голос царевича:

– Да. Что вы хотели? Катерина?

Ой, только не он! Пианино скользнуло ещё на сантиметр, и я решилась – положение-то безвыходное. И он говорил, что мой должник! – судорожно подумала я и выкрикнула, кривясь от тянущихся всё сильнее волос:

– Андрей Викторович, вы мне нужны. Как мужчина. Прямо сейчас!

Глава 6

Хорошо, что я успел сдать Марусю в садик.

– Вы мне нужны как мужчина! Прямо сейчас! – вызывающе громко заявила Катерина. Требовательно так.

Ого! Недолго скромницей притворялась!

Сколько работаю с Катериной, выглядит она вечно так, будто мужчины её в принципе не интересуют. Классический синий чулок. И тут такие заявления! Вот и не верь поговоркам насчёт тихого омута... Народная мудрость, мать её!

Ночь у меня была отвратительная, утро ещё отвратительнее, от дня тоже мало что позитивного можно было ожидать, а тут вдруг стало любопытно: с чего вдруг у моей подчинённой такое позднее зажигание? Неужто накатила, воспользовавшись выходным?! Чудны дела твои, Господи! Поэтому я сказал:

– Адрес.

Она продиктовала. И вдруг выдала странный звук, типа стоны, какой женщины издают... ну вы понимаете когда. У меня взлетели от изумления брови. В трубке что-то бряцнуло.

– Катерина? – спросил я, быстрее подходя к машине.

Она не ответила. Чем она там занимается?! Офигела совсем?

Мой Ровер завёлся с полоборота. Воображение чего толь-

ко не подкинуло, стало весело и жарко, а ещё сами собой вспомнились ножки нашей мыши-переводчицы. Очень, скажу я вам, зачётные ножки. Вид утром в футболке у неё был гораздо лучше, чем в старушечьем тряпье, которое она носит на работу. Особенно, когда к Маруське наклонилась, и я увидел её ракурс сзади – аж проснулся. Недаром Тёмыч говорит, что самые скромные девочки – самые страстные... Походу ещё и изобретательные! Я хмыкнул под нос.

Хотя завязывать отношения с подчинённой? Да не, ну нафиг. И так не жизнь, а не прекращающийся форс-мажор. Но чёрт, любопытно же!

Упс, да она ж и лифчик наверняка спецом оставила! Типа жирный такой намёк. Хотя странно, конечно, было надевать его глубокими чашечками на головы Маруськиных кукол. Если б не Лана, я б и не заметил!

Я въехал в необустроенный ещё двор нового дома. Очень хотелось оторваться, несмотря ни на что, хотя бы просто назло Лане. Эта стервь задумала устраивать мне сцену ревности! Забыла, что мы в разводе! Тьфу, лучше б не вспоминал, сразу тошно стало. Стервь она и есть стервь.

Я выбрал нужный подъезд. Вышел какой-то мужик, и я воспользовался – проник без звонка в домофон. Задумался: тринадцатая квартира – это какой этаж? Третий-четвертый? Оказалось, второй. Дверь была не закрыта. Я притормозил.

А стоит ли?

Но щель приоткрытой двери выглядела так таинственно и

призывно, что у меня аж в животе на мгновение что-то сжалось и взбодрило, как обычно, когда лезешь в какую-нибудь непроверенную пещеру. Я махнул рукой: зря ехал, что ли? И вошёл. Два шага. И оторопел снова.

Меня ждала картина маслом: ободранная квартира, газеты-газеты-газеты, и клоун под куполом цирка – Катерина. Даром что волосы не рыжие, зато кучеряшки дыбом, как парик. Хотя нет, – прищурился я, – не клоун. Скорее девочка на шаре, как у Пикассо, только вместо шара пианино, а в руке японский бумажный фонарик. Воу, а маечка-то и шортики чисто условные. Изогнулась вся, вытянулась. Живописно. Хотя обычно девушки себя лепестками всякими осыпают или укладываются на столе голыми, как тарелка под суши.

Интересно, а у неё шея так не сломается?

– Андрей Викторович, это вы? – жалостливым голосом сказала «соблазнительница», но не обернулась. – Снимите меня, пожалуйста, я застряла.

– Застряла?!

– Волосами зацепилась... Скорее, пожалуйста, а то я сейчас без скальпа останусь!

Я глянул вверх и обнаружил, что её волосы обвивали крюк на потолке. И тут до меня дошло. Вот идиот!

– Сейчас, – выдал я сквозь смех.

Очень кстати на полу, на отрезанной обоеине оказались ножницы. Подтолкнул под Катерину раздолбанное советское пианино – такое же, как у нас в школе на пении было.

– Скорее! – ещё жалостливее произнесла она.

Я подобрал ножницы, встал на табуретку.

– У меня всё онемело, – сообщила Катерина. – Особенно рука с фонариком.

Меня разобрало на стёб.

– А вы на пианино обычным способом играть не пробовали? – спросил я, отрезая накрученные намертво на железный крюк каштановые кудряшки.

– Я играю... – пролепетала она. – Ой, падаю!

И Катерина рухнула на меня, еле успел подхватить её и чудом удержался на стуле.

– Оу-оу, полегче, – хмыкнул я. – Я, как вы, в цирковой студии не занимаюсь.

Хотя, по-честному, она и не тяжёлая была. Катерина шевельнулась, и мы снова едва не свалились, как дрова, со стула.

– За шею хватайтесь! – приказал я.

А то будет сейчас вторая картина маслом и сломанный копчик в придачу.

Краснея от неловкости, Катерина обхватила меня руками за шею. Мы оказались лицом к лицу друг ко другу. Ого глаза какие! А я не замечал, что она такая хорошенькая. Или всё дело в трогательной беззащитности? Или в нежной розовой коже щёчек и смущённо хлопающих ресницах? Не длинных, зато точно не накладных. Молчу уже о том, что грудь её так волнительно коснулась меня, что на мгновение в жар броси-

ло и показалось, что между мной и нею нет моей рубашки, куртки и тонюсенькой, вызывающей маечки.

Я подхватил Катерину под попу, тоже приятную на ощупь, и слез со стула. Она тут же освободилась, правда покачнулась.

– Простите, ноги затекли, – виновато сообщила моя переводчица, шатаясь.

– Не прощу, – ухмыльнулся я и, поддержав за талию, усадил на стул рядом. – На следующем корпоративе будете на трапеции выступать.

– На трапеции?! – Её глаза расширились, отчего мне стало ещё веселее.

– Ну, или на шесте, – продолжал веселиться я, с сожалением отпустив её талию. – Попрошу Анжелу обязательно найти заведение с шестом.

Она моргнула, и её лицо выразило неподдельный ужас.

– Если свободных шестов не будет, можете, конечно, на пианино сыграть. Но придётся, скорее всего, приносить с собой своё в ресторан. Вы ведь только хардкор предпочитаете? – мотнул я подбородком на памятник советской культуре. И тут заметил, что в одной руке Катерина по-прежнему держит бумажный фонарик из Икеи. – Положите на пол.

Она неопределённо кивнула и не положила.

– Он вам дорог, как память? Невозможно расстаться?

– Н-нет, – снова моргнула она, – р-руку не чувствую... Я сейчас.

Ну что ты будешь с ней делать? Я выскреб из её ригидных на самом деле пальцев кольцо фонаря, отложил его и взял за руку. Она опять покраснела, как майская роза.

– Андрей В-викторович, н-ну з-зачем вы?

– Как вас с заиканием переводчиком-то взяли? – глумился я, растирая нежные ручки.

Взгляд упал на её босые ноги. Улёт, даже в пальцах ног и том, как она неловко наступила одной ступнёй на другую, было что-то чертовски трогательное. И забавное. Краснела она тоже забавно – так и подмывало сказать что-нибудь ещё, чтобы она покраснела и губу закусила смущённо.

– Я н-не заикаюсь, – ответила Катерина.

– А фонарик чего на пол не бросили? – поинтересовался я. – Его привёз дедушка из далёких морей?

– Бабушка, – наконец, перестала заикаться наша тургеневская девица. – Она была переводчиком с китайского.

Я ослабилась:

– А чего ж она вам фонарик подарила, а языку не научила?

– Научила, – ответила Катя.

Настала моя очередь моргать.

– Так какого чёрта вы переводите договор с китайцами на английский?

– Я знаю язык не идеально, – заявило это чудо морское. – И диплома у меня нет по нему.

– Не идеально – это как?

– Могу только общаться в быту.

– Расскажите мне про свой ремонт на китайском, – приказал я.

И Катерина вполне бодро замяукала на языке родины Джеки Чана. Я ничего не понял, но звучало уверенно. Бывают же такие кадры! Некоторые без масла в дырку лезут, ничего не зная, а эта не пользуется таким ресурсом!

– Я совершенно не владею экономической и деловой лексикой, – призналась горе-переводчица.

– Зато я нихау могу сказать, и всё. – Я отстранился и командовал: – Так, в понедельник узнаете, сколько стоят курсы повышения уровня китайского, зайдёте в кадры и выясните, какие нужны бумажки для оформления курса за счёт компании. Потом доложите мне.

– Х-хорошо.

– И заикаться уже хватит.

– Х-хорошо.

Горбатого могила исправит.

Я окинул взглядом свежebetонного вида стены, обои на полу и спросил:

– Ремонт, значит? А рабочие когда придут?

– Не придут. Я сама...

Меня снова пробило меня на стёб:

– Опять будете пляски с пианино устраивать?

– Зачем?

– Ну вряд ли будете клеить обои в прыжке.

Она растерянно уставилась на стены, словно впервые в

жизни их видела.

Женщины! Улёт! Никакого рационального мышления. Хорошо, что она у нас не аналитиком работает, уже б прогорели.

Катерина снова покраснела. А я еле оторвал глаза от груди, совершенно непринципиально выступающей из-под маечки на тонких бретельках. Явно натуральная. И такая...

Ладно, не торчать же мне тут весь день – работа не волк, сама себя не сделает.

– Не рекомендую заниматься самостоятельностью, – кивнул я на стены. – Это явно не ваше. Бросайте свои выдумки и наймите рабочих.

– Но я... – она запнулась.

– Скажу вам по большому секрету: в «Квартирном вопросе» всё врут, – таинственным голосом сообщил я, наклонившись к ней. – Ремонт делать не так просто.

На её лице вновь воцарилось смятение. Надо же, какая смешная!

– Всего хорошего, Катерина! – сказал я и направился к двери. У выхода притормозил и добавил: – Но если надумаете ещё повисеть под потолком, звоните, конечно!

– Спасибо, – проямлила она.

Я закрыл за собой дверь – нечего ей больше так призывно подманивать незнакомцев. И снова хохотнул: весёлое получилось приключение! А я идиот. Однако и из этого казуса извлёк пользу для работы. Переводчиков китайского можно

по пальцам пересчитать в нашем городе. Тем более с таким уровнем зарплаты. Удачно получится, если она будет совмещать две должности. На первом этаже я наткнулся на работяг, выносящих из лифта строительные козлы.

– Пойдите! – скомандовал я и достал несколько купюр из портмоне. – Козлы отнесите в тринадцатую квартиру, договорились?

– О да, – сказал лысый.

– Ещё тыщонку накинь, начальник, – добавил пузатый в очках.

– Нагнать не надо, – парировал я. – Сам не так давно ремонтом занимался. Расценки знаю. Так что давайте, развернулись и дружно понесли в тринадцатую.

– Хорошо, шеф, – ответил более вменяемый лысый.

– И девушке там скажите: это вместо пианино. А! И что шест потом поднесут. Она поймёт.

– Будет сделано, шеф!

Работяги пошли на второй этаж, а я вышел из пахнущего свежей краской подъезда на улицу с таким же ощущением, с каким в детстве звонил разным бабушкам по стационарному телефону и говорил: «У вас вода есть? Есть. Мойте ноги, ложитесь спать». Или ещё какие-нибудь глупости. Мне представилось лицо Катерины в ответ на заявление строителей. Я рассмеялся.

Вдохнул полной грудью. Весна. Солнце. Хорошо-то как!

Глава 7

Вот гад! Негодяй! – хотелось мне крикнуть громко, чтобы эхом под потолком разнеслось, но кóзлы очень пригодились. Вот почему именно подобные гады знают толк в жизни?! И умеют её портить приличным людям, если вдруг не вздумают помочь, чем ещё больше в тупик поставят.

– Шест потом подвезут, – сказал лысый строитель и, осмотрев меня с ног до головы, понимающе осклабился. – Так ваш этот... молодой человек передал.

Я моргнула. Строители вышли сами. Очкастый подмигнул мне:

– Пилон – это круто! Всегда хотел, чтобы жена меня так развлекала.

– У тебя жены нет, – хмыкнул второй.

– Но будет же!

Они вразвалочку пошли вниз по лестнице, а я захлопнула поспешно дверь.

Ненавижу! Ненавижу своё качество моргать и теряться, когда над тобой откровенно издеваются: шуточки-шуточки-шуточки... Тьфу! Я только в задний след начинаю придумывать: я сказала бы то или то. Намазывая розоватый киселеподобный клей на обоину, я представила, как заехала бы царевичу папкой в лоб. Красной, толстой! С его чёртовыми договорами!

Не знаю, чего я так раздухарилась? Обычно до драк даже в воображении не захожу. Может, всё от того, что хотя глаза его смеялись надо мной, я почувствовала волнение, когда он взял меня на руки. И потом, когда Андрей Викторович наклонился ко мне и тоном киношного злодея сообщил, что ремонт – дело сложное.

Будто я не знаю! Но чёрт! «Маленькая девочка с косичками» внутри меня смотрела на разругавшегося вампира, раскрыв рот, и была готова ему сдаться. Или наоборот, взрослая была готова, а маленькая девочка залезла под кровать. Я в них запуталась! В общем, ненавижу быть объектом для шуток!

Я была зла. Даже на то, что царевич спас вроде от оскальпирования. Надо было бы «спасибо» сказать, но я злилась и ходила по квартире, как крокодил на выгуле, тихонько рыча себе под нос разные гадости. Всем повезло, что я живу одна!

Правда, я себя такую не люблю. На самом деле я – хорошая, добрая, спокойная и ни разу в жизни никого не ударила, хотя слегка завидовала девушкам, которые могут картинно и красиво залепить пощёчину. Жаль, не проводят по этому лайфхаков, да я бы и не смогла всё равно...

От злости я даже посмотрела в Ютубе девушек на шесте. Удивилась, честное слово: думала, это стриптиз и разврат, а мне попалась какая-то гармоничная француженка, выступающая на Пальм-Бич. Очень было красиво! И музыка, и море на фоне, и ветерок, и сама девушка со своим акробати-

ческим танцем. Атлетически сложенной артистке я поставила лайк, а потом посмотрела на собственные руки и ноги и поняла, что с шеста я максимум могу сползти, как тесто с вилки. Скорее всего вниз головой и со множественными переломами.

Обычно я бы закрыла ролик и забыла, а тут, когда козлы мозолили глаза и память хранила язвительные шуточки, меня дерзость разобрала! Вот так бы взять и научиться элегантным головокружительным трюкам, как эта красавица на шесте! Чтоб увидел, облизнулся, а я гордо ушла в закат... ну, или просто на другую работу.

Когда я с горем пополам приклеила две обоины, позвонила Агнесса.

– Ну как, девочка, купила обои?

– Купила. Сейчас в процессе, клею. – Дышать было нечем, и я открыла окна.

– Вот умница! Слов нет, какая ты умница! Я была уверена, что наш разговор пойдёт тебе на пользу.

– Угу. – Мне хотелось пожаловаться ей или кому-нибудь на проклятого царевича, но второй волны хихиканья над собой я сегодня не перенесу, поэтому смолчала. Как всегда, впрочем.

– А я тебе помощника нашла для ремонта, хороший такой парень! И симпатичный!

– Не нужны мне никакие помощники! – возмутилась я и тут же выпучила глаза, потому что с таким трудом приклеен-

ная полоса вздулась и начала отваливаться от стены. Я сглотнула: – Или нужны...

– Нужен, конечно! – воскликнула Агнесса. – Кстати, он уже едет у тебе.

– Ну зачем...

– Солнце моё! – воскликнула Агнесса, и при её возгласе спрятавшееся за облако солнце выглянуло, словно она его позвала. – Во-первых, я решила за тебя взяться. Утром ты мне совершенно не понравилась! А во-вторых, Славику нужно перевести какое-то письмо на английский. Ты же можешь?

– Как будто у меня есть выбор, – вздохнула я.

– Выбор всегда есть, – хихикнула Агнесса.

– Но твой неизвестный Славик ведь уже едет!

– Он не неизвестный, а очень хороший. Чайные церемонии проводит, йогой занимается, а ты, конечно, можешь ему просто не открывать.

– И умереть от неловкости под дверью, – ещё тяжелее вздохнула я.

В дверь постучали – звонка-то у меня до сих пор нет. Я отключила развесёлую доброжелательницу и пошла открывать.

Кажется, мир, начиная с царевича, Агнессы и собственного предательского пианино, решительно собирался довести меня до белого каления! А ведь до вчерашнего дня так всё хорошо было! Тихо! Хоть в гроб ложись и крышку изнутри

гвоздиками забивай... Но теперь даже солнце, заглядывающее в окна, сообщало: нет, мы от тебя не отстанем!

В последний момент я вспомнила о неприличности своей майки и натянула сверху старую рубашку. Снова почувствовала раздражение: а некоторым Жирафам даже на такую маечку наплевать! Почему-то было очень неприятно, что меня совершенно не воспринимают, как женщину, хотя я сама долго этого добивалась...

Я открыла дверь и изумилась: передо мной стоял натуральный будда, только со светлыми, пшеничными почти кудрями, лучистыми глазами и добрым, загорелым лицом. Если бы Агнесса не сказала, что он занимается йогой, я бы и так догадалась – у подобного рода парней, существующих в параллельной от меня реальности, всегда присутствует подчёркнуто незамутнённый взгляд, спортивная стройность, хвостик на затылке и деревянные браслетики на запястьях – где они только такие берут? Парень ясно улыбнулся мне и сказал:

– Привет, ты Катя? Я от Агнессы. – И шагнул в квартиру, будто я его приглашала.

Мой взгляд приклеился к жёлтым замшевым ботинкам, на которых обычным красным фломастером был выведен иероглиф.

– Это Ом – знак Бога – пояснил блондин-будда и снова улыбнулся, как ясно солнышко.

– Привет, – ответила я, завязывая на узел концы клетча-

той рубашки, понимая, что если её так и оставить, то шорт будет не видно – вид не очень. И заметила ворчливо: – Вроде бы не хорошо Бога на ботинках рисовать.

– Если Бог – всё и везде: в воздухе, в воде, земле и в живых существах, – широко обвёл вокруг себя рукой парень, – думаешь, его нет в моих ботинках? – и, моментально разувшись, пошёл в комнату, как к себе домой.

Ещё один лозунг последних суток: здравствуй, бесцеремонность. Куда подевались интеллигентные, воспитанные люди? Вот сосед у меня с четвёртого этажа только и остался. Вежливо здоровается и проходит мимо. Чинно, спокойно. Не то, что эти все...

– Я, кстати, Слава. Говорят, тебе надо обои поклеить?

– Интересная концепция, – ответила я, торопясь за ним. – А тебе, говорят, перевести что-то надо? Я, правда, о помощи не просила.

– А зря, – улыбнулся Слава и показал на обрушившиеся на пол плоды моих семи потов и половины дня, а потом заявил тоном тренера по саморазвитию: – Уверен, что переводишь ты гораздо лучше!

Это меня окончательно вывело из себя.

– С чего бы вам быть в этом уверенным?! – вскипела я. – И с чего такая фамильярность?! Мы не знакомы, а вы уже на «ты».

– Уже познакомились. У тебя вид умный. Ответственный, как у отличницы. Вряд ли ты будешь работать где-то, если

не уверена в том, что выполнишь всё на пятёрку, – как ни в чём не бывало просиял Слава. – А Агнесса сказала, что ты – переводчик.

Мне стало неловко за собственный выпад. Я даже окинула себя взглядом: неужели отличницы выглядят вот так: в старых рубашках, завязанных узлом на животе, коротких шортах и с волосами дыбом, частично вымазанных в клею после того, как обоина мне на голову свалилась?

Слава тем временем расстегнул куртку. На красивой шее у него тоже были деревянные украшения, под курткой голубая футболка.

– Ну что, приступим?

– Это неловко, – пробурчала я. – Я вас не знаю, вы меня тоже. С чего бы вам мне помогать?

– Будем считать это бартером, – ответил незванный гость. – А потом мне Агнесса столько про тебя рассказывала, что я тебя заочно знаю. Помочь хорошему человеку – плюс в карму.

– А плохому?

– Два плюса, – показал мне белоснежные зубы новоявленный будда. Влез на козлы, потрогал стену и спросил: – А ты что, стены не грунтовала?

– Нет.

– Потому и отваливаются. И окна закрой. От сквозняка обои тоже отваливаются. Я сейчас сгоняю за второй кистью, стену промажем для начала, а ты пока чайник поставь, – ска-

зал Слава. – Только не заваривай, чай у меня с собой. Хороший.

Так же мгновенно он обулся и открыл дверь.

– А письмо? – спросила я, сбитая с толку и вообще со всего активностью просветленного гостя.

– Сначала обои, – ответил он, выходя.

А потом Слава пришёл, вооружившись новой кистью, снял куртку и заварил как-то по-особенному пуэр. Достал из кармана две крошечные чашечки, мигом освоившись у меня на кухне, как у себя дома. Я вот так не умею. Это видимо талант такой!

– Чай надо пить правильно, – сказал Слава, разливая по чашечкам коричневую жидкость, – чтобы пришло успокоение, насыщение вкусом и радость жизни.

Я вздохнула и стала учиться пить чай правильно, слушая вполуха, как красивый молодой человек с добрейшей улыбкой рассказывает о чайной традиции, Китае и философии. А мне то и дело приходил на ум киношный злодей – царевич. И его руки горячие, и глаза с насмешкой, и бледное, но чертовски привлекательное лицо.

Ну почему я такая? Тут вроде бы такой молодой человек положительный рядом, внимание оказывает, помогать собрался, а мне ему хочется сказать: эй, хороший парень, отойди, пожалуйста, в сторонку, ты заслоняешь мне вон того беспардонного мерзавца!

Глава 8

Понедельник! Как много в этом слове для сердца русского срослось! Скрежет век, которые не хотят разлипаться. Ощущение старой тележки. Разговор с неорганическими существами: «ещё минуточку», – говорим мы вопящему, дребезжащему, тренькающему будильнику, себе и подушке, веря, что её, одной-единственной хватит, чтобы пришло счастье выпавшегося человека и проснулись не только мы, но ещё и желание идти на работу. Баба-яга в зеркале ванной с «домом» на голове. Кофе, крепкий чай и мечта стать богатой только ради того, чтобы никуда в понедельник утром не вставать!

Именно так начинался для меня первый рабочий день недели, отягчённый трудами праведными в воскресенье – мы со Славой доклеили обои. Почти. На последние две полосы не хватило клея. Зато я перевела письмо на английский для девушки Славика, поняв окончательно, что как женщина не интересую даже златокудрых будд, улыбчивых и добрых сердцем. Конечно, Слава мне был и не нужен, но я обиделась. Целых два дня, кидаясь на стены в обойном пылу, я размышляла о том, почему он мне не подходит, а когда выяснилось, что будда помогал мне без задней мысли, я три часа разочаровывалась в жизни.

Славик ушёл, пообещав заглянуть и оставив «хорошего

чаю», а я, убрав последствия ремонта, уткнулась обиженно в ленту новостей в соцсети, как будто там можно было найти утешение и рецепт, после которого мужчины складывались бы за тобой паллетами, как шоколадки на дисплеях, а ты бы шла гордо, и тебе было бы всё равно.

«Никто мне не нужен, мне и так хорошо», – пробурчала я и легла спать за полночь.

В шесть-тридцать утро за это отомстило: любой мужчина, увидев меня такую, точно сложился бы под плинтус, лишь бы я не заметила. Так что можно было идти гордо – даже маньяк не нападёт...

Гладить юбку и блузку было лень, потому я натянула на себя коричневую водолазку, которой сносу не было, мешковатые брюки «прощай, молодость» и завязала взрыв на голове в хвост. Но тут я увидела пакет для Маши с книжкой и коником и вспомнила, какая передача может ждать на работе меня. При мысли о собственном бюстгальтере я покраснела и надела серёжки. Вспомнила сарказм царевича, поменяла штаны на более современные джинсы и полезла за косметичкой. Накрасила глаза и даже замазала круги под ними консилером. Удивительно, что он не засох. Смочила кудряшки, чтобы не торчали во все стороны, выбиваясь из хвоста, и провела розовым блеском по губам. Зомби в зеркале исчезло, уступив место утомлённой нарзаном девице с томным взглядом, неизвестно чем занимающейся прошлую ночь.

– Уже лучше, – сказала я девице в отражении и, яростно

сжевав половину бублика, пошла на работу.

Утро красило нежным светом стены бетонного сооружения, окружённого кранами, котлованы и лужи, предлагая трудовому населению зарядку в виде бега по пересечённой местности. Затем я влилась в дружный поток таких же, как я, тружеников, предпочитающих почти эротичному единению полов в набитой маршрутке здоровую прогулку по свежему воздуху.

Подарочки, сложенные в зелёный непрозрачный (чтобы вопросов не задавали) пакет от «Беннетон», жгли мне руки: вдруг Жираф засмеёт, не примет или подумает чёрт знает что. Он ведь способен! Только его пошлый ум красавчика-мажора мог свести мой неловкий инцидент с крюком на потолке к танцам на пилоне. Извращенец!

Я вошла в родной офис, волнуясь так, словно не пять лет на одном месте сижу, а только на собеседование пришла. Всё вампир виноват!

Он пришёл к десяти, видимо выжидая, пока я поседею. Уверенный в себе, хорошо одетый, вальяжный. Барин. Сегодня даже с румянцем на щеках. При виде царевича у меня забилося сердце, а душа скользнула в пятки. Я проследила за тем, как он поднимается по своей лестнице «в небеса» и уткнулась в компьютер.

И на кой чёрт я купила эту книжку и кучерявого пони?! Дёрнуло же! Нет, ребёнок у него чудо, ангелочек и просто прелесть, но я-то не при чём! Ещё решит, что навязываюсь.

Я тяжело вздохнула и засунула пакет подальше под стол.

– Ты чего вся красными пятнами пошла? – спросила Анечка. – У тебя не аллергия случайно?

«Аллергия, на работу», – подумала я, но вслух сказала:

– Да так, вспомнилось кое-что.

– А-а, – протянула понимающе Анечка. Она у нас вообще очень добрая, тактичная и понимающая. – Ты, кстати, видела письмо от шефа всему отделу? Нет? Он собирается провести ассесмент для сотрудников: кто соответствует должности, кто не соответствует, кого можно развивать, а с кем пора прощаться.

– Час от часу не легче, – вздохнула я и вспомнила про китайский язык.

– Да уж, – кивнула Аня. – Андрей прислал такую анкету странную: надо указать все свои умения, хобби и чем мы вообще когда-либо зарабатывали.

– Это ещё зачем? – удивилась я.

– Хочешь, у него спроси, – хихикнула Аня.

– О нет! – замахала я на неё руками и бросилась в отдел кадров выполнять поручение начальства, о котором совсем забыла за выходные.

– У нас есть договор со школой иностранных языков «Разноцветный мир», – сказала мне Лариса Павловна, – вот тебе телефон, узнай у них про китайский.

Китайскому в этой школе обучали, правда, в неудобное время – я с работы вряд ли успею, а меня никто отпускать не

будет, наоборот, задерживаться заставляют. Так что можно расслабиться – китайский мне не грозит.

Требовательной трелью разразился внутренний телефон и заявил голосом царевича:

– Зайдите ко мне, Катерина.

– Хорошо, – пискнула я.

В голове прозвучала увертюра к бетховенской симфонии номер пять: так судьба стучится в дверь. Я встала, отряхнула джинсы, словно это могло помочь, и пошла.

Там. Тадам. Тададам.

Очень хотелось не хотеть царевича видеть, но желание пощелчку пальцев не выключалось. И потому я вошла, разрываясь от нетерпения и страха – натуральная мышь перед голландским сыром, привязанным к мышеловке. Вообще себя не узнаю!

Жираф сидел за столом, деловой, серьёзный и мерзопакостно привлекательный. Стоило ему увидеть меня, как уголки рта растянулись в ухмылке:

– Вы так и не позвонили. Потолок цел?

– Да, – ответила я.

– И стены не обрушились? – в глазах его блеснул шуточный чёртик.

Я начала злиться и решила не отвечать. Выпрямилась и сообщила чётко, по существу, как солдат. В смысле старалась не заикаться.

– Вы просили узнать про курсы китайского. Они есть. И

договор заключён с нашей компанией, школа «Разноцветный мир» проводит обучение наших сотрудников английскому уже второй год.

– Прекрасно. Когда приступаете?

– С этим как раз проблема, – сказала я, не понимая, чего он продолжает улыбаться, – волосы дыбом встали, что ли, или на меня в принципе без смеха смотреть нельзя, – бизнес-курс начинается в шесть, и с работы я на него никак не успею, так что...

Брови Жирафа подскочили вверх:

– Э-э нет, соскочить вам не удастся! В шесть так в шесть. Будете приходить раньше и всё. Занимайтесь хоть каждый день, но вы должны шпарить, как Джеки Чан, через три недели.

– Это же невозможно, – пролепетала я. – А объём остальной работы?

– Будете успевать, – скомандовал царевич, – вам всего-то – бизнес-лексику выучить.

– А если не только...

– Значит, уволю, – ласковым змеем заявил начальник, вновь коварно поблёскивая голубыми глазами. Глянул куда-то вниз мельком и поставил на стол бумажный зелёный пакет с надписью «Benneton».

Упс...

– Это ваше, – сказал с ехидной улыбкой Жираф и придвинул ко мне.

– С-спасибо, – заливаясь краской, сказала я.

– Не стоит благодарности, – ответил этот гад, широко улыбаясь. – Не теряйте больше. А то мало ли...

Я вспыхнула, схватила за ручки пакет и рванула наружу. Кажется, я слышала за дверью его хохот. Ненавижу!

Я слетела по лестнице, горя и краснея, словно меня шмель за мягкое место укусил. Надеюсь, анафилактический шок не случится, а то дышать уже сложно. В стекле, на котором висели объявления, отразилось моё пунцовое лицо. Вот у меня на кого аллергия! На шуточки, ехидство и невыполнимые задания!

Девчонки с сочувствием проследили, как я пронеслась по офису в свой угол. Там как раз телефон разрывался. Я в сердцах поставила пакет на стол, потянулась за трубкой, пакет перевернулся, упал и перед глазами Анечки, Анжелы и Сергея на ковролин вывалился голубой кружевной лифчик. Красивый. Мне его Агнесса на день рождения подарила, пожелав расстаться поскорее с холостяцкой жизнью. Коллеги выкатили от изумления глаза, а в телефон мне весело пробубнил царевич:

– Забыл сказать. О прогрессе в ваших занятиях будете отчитываться мне лично каждую пятницу. Переводчик с китайского мне нужен срочно.

Растерянная, я бросила трубку и принялась поспешно запихивать бюстгальтер обратно в пакет. Но тоненькая бретелька зацепилась за ножку стула и, будто назло, отцеплять-

ся не хотела, демонстрируя лейбл дорогого бренда.

Чёрт, чёрт, чёрт! Надо же быть такой растяпой!

В наш угол зашла с кучей документов бухгалтер Марина и кадровичка Лариса Павловна за ней. Они тоже уставились на картину «отцепи лифчик от стула за десять секунд». И тут Анжела сказала:

– Ничего себе подарочек от шефа... Я тоже такой хочу.

В моей голове смех царевича прозвучал так дьявольски коварно, что и Мефистофель обзавидовался бы. Что и говорить, понедельник задался...

* * *

Что делать? Что делать?! Что делать?! – вопило во мне чувство самосохранения, каждую тысячную долю секунды предлагая ужасные картины: как я иду по офису, а за мной, как гадюка по пустынным барханам, ползёт шёпот; вместо уважительного отношения ребят на складе – одни хихиканья; а в кафе я давлюсь запеканкой, слыша в свою сторону: «а знаете, что она...» Боже, это так унижительно! Вот так же, как сейчас перед всеми на коленях выцарапывать из-под стула лифчик. И вдруг я увидела идентичный пакет под собственным столом. Эврика!

Бюстгальтер отцепился в секунду, и я вытащила из-под стола второй точно такой же пакет. Разогнулась, ещё красная, и показала коллегам оба пакета.

– Вот вы придумали тоже! Чтобы наш царевич и подарил что-то кому-то? Ага! Он скорее отнимет и зарплату урежет, будто вы не знаете! Мы просто в пятницу столкнулись случайно в торговом центре и пакеты перепутали. – И я для верности тряхнула пакетом с подарками для Маши. – У меня дома натуральный шок случился, когда я вместо нового бюстгальтера увидела детскую книжку и это. – Я продемонстрировала кудрявого забавного коника.

У свидетелей моего недопозора вытянулись лица.

– Мда, – проговорила за всех бухгалтер Марина. – Книжку на грудь не натянешь.

– А что, у царевича есть ребёнок? – поинтересовалась Анжела.

– Дочь, три года, – сообщила наша кадровичка.

– А жена? – продолжила Анжела. – Чтобы знать, кого подвигать придётся.

Во мне вспенилось возмущение, но Лариса Петровна ответила первой:

– Судя по документам, в разводе он. Уже год как. Один дочку воспитывает.

– Разве так бывает? – удивилась Аня. – Обычно дети с матерью остаются.

– Да там такая мать! – скривился Сергей. – Фитоняшка и инстаграмщица.

– А ты откуда знаешь, Серёжа? – хихикнула Анжела. – Тоже глаз на царевича положил? Имей в виду: место забито.

Он будет мой.

Сергей сел обратно за рабочий стол, поджав губы:

– У тебя одни шашни на уме, лучше б работой занялась. Я просто ещё когда сказали, что сына Виктора Геннадьевича нам в начальники поставят, навёл справки. Покопался по соцсетям. С фамилией Гринальди не сто тысяч подписчиков, между прочим. Особо и напрягаться не пришлось.

– Какой ты продуманный, Серёжа, – удивилась Анжела. – Может, тебе детективное агентство открыть, а? Про всяких там мужей, любовниц и обманутых жён?

– Нас и тут неплохо кормят, – удовлетворённый похвалой, ответил он и взглянул на меня: – Так ты что, Кать, не несёшь боссу его покупки? Он же ждёт.

Осознание, что надо возвращаться к хохочущему надо мной вампиру, отозвалось прыгнувшим сердцем, мурашками по загривку и мыслью: «А, может, не надо?». Но деваться было некуда, единожды соврамши. Пусть лучше смеётся надо мной он один, а не весь коллектив. Тем более, что он и так уже смеётся. Ненавижу таких!

О, вот на этой мысли и следует совершить второй акт пьесы «О Коньке-горбунке, царевиче и его лифчике», чтоб ему пусто было!

– Уже несу, – ответила я на удивление спокойно.

Запихнула один зелёный пакет под стол и гордо стиснула ручки второго.

– Ещё раз не перепутай, – сказала Марина.

Я не удостоила её ответом и пошла к лестнице в поднебесье. Правда, с каждой ступенькой наверх затея мне казалась всё «плоше и плоше». От волнения забыв постучаться, я дёрнула директорскую дверь за ручку и застыла на пороге. Царевич сидел на стуле посетителя возле стены в одном ботинке и стягивал с себя носок. Второй ботинок валялся рядом.

– Стучать надо! – рявкнул он, поднял голову и сказал уже нормальным тоном: – А-а, это вы! Я ноги промочил. Чёртовы лужи! Чёртов Ростов! В Лондоне всё время дожди, а луж нет как нет.

– Зато в них небо отражается, – сказала я тихо.

– В чём? – удивился царевич.

– В лужах, – ответила я. – Оно весной особенно высокое, прозрачное, голубое. И солнышко.

Андрей Викторович изумлённо воззрился на меня.

– Но в ботинках этого не видно.

– А я под ноги и не смотрю, – зачем-то сказала я. – Вы вечером ноги с горчицей попарьте обязательно. Чтобы не простудиться.

– Думаете? Ладно, намажу себя, как холодец, – кивнул царевич.

Но тут же увидел в моих руках зелёный пакет, и ехидство сверкнуло в его глазах так же, как у нашего школьного бандита Ерохина, который вечно обзывал меня Кутей и прятал мой рюкзак. Царевич одарил меня улыбочкой, за которую

хотелось убить:

– О, вы решили переиграть по второму кругу? Спасибо, но я не ношу такое бельё.

Какой же он гад! Я вспыхнула и поставила пакет на стул рядом с ним.

– Это и не вам. Это Маше.

Царевич вытянул наружу кудрявого черногривого коника, дурацкая насмешка стёрлась с губ.

– Спасибо, – сказал он, наконец, без шуточек.

Его взгляд стал нормальным, человеческим и глубоким, как небо, отражающееся в лужах. Ну и пусть отражается, мне незачем...

Я направилась к двери, буркнув:

– Пожалуйста. И горчицу сыпьте в горячую воду порошком.

Я уже переступила порог, когда он сказал:

– Маруся спрашивала о вас сегодня... Про волшебную кудрявую Катю.

Я не стала оборачиваться, просто кивнула и пошла работать. Но на душе вдруг посветлело. Приятно, когда о тебе помнят! Особенно ангелочки!

Глава 9

Говорят, дети повторяют своих родителей во всём. Мне с детства чертовски хотелось доказать, что это не так! Ну, не такой я дурак, как мой папа! Не женюсь я по залёту, а потом не брошу своего ребёнка.

Ага... Облом с первым пунктом не заставил себя ждать: я встрял по полной, едва вернулся в Россию. А так всё мило начиналось: самолёт, красавица, улыбки, секс. Шикарный, скажу я вам, секс! Потом вечеринки, секс. Клубы, секс. Сумасбродства, секс. Бали, секс. И здравствуйте, приплыли: две полоски, свадьба, быт и затянувшийся на годы ПМС.

Жаль, когда втыкаешься взглядом в грудь, ноги и красивое лицо, не сразу учишься, что за парадным фасадом может находиться мозг Чебурашки. Кстати, очень рассчетливого Чебурашки, который не просто ищет друзей в апельсинах...

Что касается второго пункта – неа, не выйдет! Тут уж я отца не повторю ни за что! Не то, чтобы отец меня бросил, но родители развелись, когда мне было семь, и папа не особо баловал вниманием – у него был бизнес и пахота по тридцать часов в сутки. А мне доставалось счастливое воскресенье эдак раз-два в месяц.

Но когда мне стукнуло четырнадцать, отец вдруг понял, что ещё пока небольшую, но империю придётся кому-то пе-

редавать. И он с воодушевлением взялся за моё воспитание, решив вздрючить наследника так, чтоб аж дурно стало от репетиторов, курсов и прочей хрени. Мама этому особо не сопротивлялась, тем более что снова вышла замуж, и у неё всё по-своему завертелось. Потом папа тоже женился. Меня отправили в Лондон, мама уехала жить в Сочи со своим джигитом, а молодая жена отца родила ему ещё двух сыновей. Я не в претензии, были бы все довольны.

Никите и Валерке повезло: на них отец уже не тренируется, а точно знает, как не надо воспитывать. Поэтому братишки не копают картошку на дедовой даче, мотаются с маман по Куршавелям, не отрывают глаз от гаджетов и растут по принципу «если мальчики учатся плохо, пусть хоть одеваются хорошо».

«Ты был экспериментальным вариантом», – так и говорит мне отец.

Ага, робот Т9. Иногда мне кажется, что папа отработывал на мне все методы манипуляции персоналом и бюджетирования в условиях кризиса. Не то, чтобы я в школе ходил бомж бомжом, но в период моего взросления иногда бывало стыдно за свой прикид, так как наша семья тогда жила пос учётом всех популярных лозунгов: экономика должна быть экономной, все деньги в дело; ура, мы открываем новый магазин – какой, нафиг, плейстейшн?

Зато теперь отец призвал меня к «телу» и давит, как каток, чтобы я соответствовал и не расслаблялся. Он орёт и

тыкает меня, будто котёнка, носом в каждую ошибку. Обычные родители, как мне представляется, спрашивают у детей, как дела, как здоровье. А мой – как бюджет, как продажи, почему не выполняете план?

Честное слово, хотелось обратно в Москву, где я проработал пару лет обычным менеджером в обычной сети. Лепота была, свобода! Сейчас смотрю на своих подчинённых и слегка завидую – не понимают они своего счастья, работают «от» и «до свидания», а у меня режим корпоративного совещания двадцать четыре на семь.

– Руководитель должен быть жёстким. Ты должен принимать сложные решения. Налоги то, налоги сё, – в таких милых беседах проходят наши семейные ужины.

Сегодня не исключение.

– Витя, Андрей же ещё ничего не съел. Сделайте перерыв, пожалуйста, дела никуда не убегут. Андрюша, киш с лососем и шпинатом попробуй, – сказала Надя, моя мачеха.

Она нормальная, хотя старше меня всего на пять лет. Ноги от ушей, грудь вперёд – в общем, Мелания Трамп ростовского разлива. Отец молодится рядом. Иногда до смешного – в прошлом году волосы себе на залысинах нарастил, теперь орёл! И в спортзал ходит, надеюсь, проживёт дольше. Я тоже на теннисе отрываюсь от души.

– Мама, мама! – закричал Никита, младший брат. – Маша опять мою башню разрушила!

– Ну, она же маленькая, – пожала плечами Надя. – Вы

лучше её займите чем-то.

– Мапа, – прибежала следом моя Зена-воительница в шерстяном платье в цветочек и с двумя хвостиками на голове, – глянь, что у меня есть!

– Она на моего трансформера юбку натянула! – возмутился Валерка.

– Ну хоть не лифчик на голову, – хмыкнул я, вспомнив о недавнем сюрпризе.

– Не веди себя, как пацан, Андрей! – буркнул папа. – Ты отец уже, когда повзрослеешь?

А мне при мысли о голубом бюстгальтере сразу его обладательница вспомнилась. Смешная. И милая. Хоть и мышка. Маруське она страшно понравилась, а это, если честно, показатель.

Я подумал: интересно, как бы она тут краснела при самом главном-страшном Викторе Геннадьевиче? Опять бы заикаться начала. Я автоматически посмотрел на телефон и даже удивился собственному желанию позвонить. Интересно, как она там – поклеила свои обои? Надеюсь, сама не приклеилась.

На душе при мысли о ней стало чуть светлей, и я вывел формулу: смешные люди на свете нужны. Им, наверное, надо приплачивать за то, как ресницами хлопают, краснеют и выдают всякие неуклюжести. Моделей полно, тёток любого возраста полно, бизнес-леди полно, а вот смешных, но при этом не Чебурашек раз-два и обчёлся. Хоть в Красную книгу

заноси.

Отец продолжал пыхтеть.

– Витя, ну почему бы Андрею и не повести себя по-мальчишески? – сказала примирительно Надя. – Ему ведь всего двадцать шесть.

– Вот именно! Двадцать шесть, а не шестнадцать, – не успокаивался отец.

Сегодня он был особенно не в духе. Пучит его, что ли?

– И ещё. Потребуй, наконец, у своей бывшей жены сменить фамилию.

Ага, вот она – причина душевных колик!

– Она не хочет, – ответил я.

– А мне не нужно, чтобы онаставляла в Инстаграмме свои прелести напоказ, позоря нашу фамилию! Были бы мы Ивановы или Сидоровы, но Гринальди в России больше нет. Сегодня пришлось краснеть, когда у Арсения Филипповича у меня спросили: Светлана Гринальди – не ваша дочь случайно?

Мне стало противно – ну да, я видел её фотосессию под названием «Сиськи напрокат. Дорого». Но я лишь ухмыльнулся:

– Ты предлагаешь отнять у неё смартфон, паспорт и удалить аккаунт в Инстаграмме?

– Нет. Я предлагаю тебе решить вопрос по-мужски. Самому. Или тебя надо учить технике ведения переговоров?

– Не надо, – отложил вилку я, начиная раздражаться. – Че-

бурашки техникам переговоров не поддаются. У них нет того места на подкорке, на которое нейролингвистическое программирование действует. Программируешь-программируешь по правилам, а программа бац и проваливается. Куда-нибудь в желудок.

Папа нервно поджал губы.

– Меня это не интересует. Я сказал: реши, значит, реши. Выбесил.

– Ладно, Марусе уже спать пора, – ответил я, вставая. – Надя, спасибо за ужин. Киш объединенье.

– Я тебе с собой заверну, – понимающе кивнула Надя.

– Сбегáешь, – проворчал отец.

– Далеко не убегу, – буркнул я. – Завтра на работе встретимся.

– Между прочим, тебе давно пора найти приличную жену! И мать внучке. Ненормально, что она называет тебя мапой! Глупость какая: мама и папа одновременно.

– Маруся умная, – отрезал я. – Лучше универсальный папа, чем...

Я даже не стал договаривать. А смысл?

– В пятницу презентация Бауффа, ты должен там быть обязательно. Пойдёшь вместо меня. В приглашении указано: плюс один, – напомнил отец. – Жену найти не можешь, так найди, наконец, себе хоть приличное сопровождение для подобных мероприятий!

– Возьму с собой Маруську, она умеет включать обаяние

на всю катушку, — из вредности сказал я и ушёл, забрав дочку и французский пирог в контейнере.

* * *

Дома Маруся потребовала сказку, в сотый раз «Конь-ка-Горбунка». Я устроился с ней рядом и начал читать:

«Не на небе, на земле, жил старик в одном селе. У старинушки три сына, старший умный был детина, средний был и так, и сяк, младший вовсе был дурак».

Всё, как про нас. Катерина — экстрасенс. Маруся обнимала игрушечного коника, поигралась-поигралась и скоро заснула. Я погладил её по кудрявой головке и подумал: вот она самая главная женщина в моей жизни.

Правда приснилась мне другая. Тоже кудрявая. В третий раз на этой неделе.

А ещё обои и гигантская цифра с крылышками «+1».

Хм, может, это знак?!

Глава 10

«Путешествие в тысячу ли начинается с одного шага» – с такой народной мудростью встретил нас учитель китайского и сразу мне понравился. Невысокий, стройный, улыбчивый, в очках, строгих брюках и в рубашке в полосочку, Ли Юн излучал спокойствие и позитив.

Вообще занятия китайским напомнили мне о бабушке, от воспоминаний о которой мне всегда становилось на душе тепло. К моему удивлению, контингент в группе подобрался разнообразный: две студентки, один молчаливый мужчина лет за шестьдесят, домохозяйка, программист Лёша, менеджер Юля и даже три бизнесмена. Двое симпатичные, а третий всё схватывал на лету.

– Недостаточно знать язык, чтобы удачно строить бизнес в Китае, – рассказывал Ли Юн. – Нужно также понимать специфику китайской психологии – то, что является нормальным для западного человека, для китайца будет странным и невежливым. С другой стороны, часто вам, на Западе, китайцы из бизнеса кажутся пройдохами и хитрецами, а это всего лишь разница культур.

Некрасивый бизнесмен лет тридцати пяти с широким славянским лицом и статью Добрыни Никитича подмигнул мне. Я сделала вид, что не заметила, а сама удивилась. Надо же! Сколько времени на меня никто не обращал внимания, слов-

но меня не существовало в принципе, а тут вдруг словно рубильник включили и направили прожектор на меня. В зале, где сидят мужчины. Вчера один парень на улице даже попытался познакомиться, а охранник открыл передо мной дверь.

Неужели дело в весне? Она, кстати, пошла в нешуточное наступление, заставив тюльпаны и ирисы расти с турбо-скоростью, а людей – распрощаться с тёплыми вещами. Или дело в том, что я вытащила из закровов давно не надеванные платья и юбки, туфельки вместо мокасин и валенок, и начала краситься понемножку? Или это царевич разбудил во мне что-то, вызвав сначала разочарование тем, что как женщина я для него не существую, а теперь доставая насмешками и не давая продыху? У нас в классе такой же был, Артур Безножкин. Ух, как я его ненавидела! Но царевича скоро буду ненавидеть сильнее.

Не знаю, какая шлея попала ему под хвост, но вдруг он стал вызывать меня в кабинет каждый день.

– Как занятия китайским? Обои не упали? Почему договор ещё не готов – вы мысленно занимались постановкой танца? Покажете? Но договор надо доделать в первую очередь! Где письмо немцам? Мы им шест с ленточками вместо предложения о поставке не отправим. Как поживает пианино?

И всё в таком роде. Привлекательный до омерзения, он, кажется, решил сжить меня со свету своими ухмылочками и сарказмом. То я не видела его вблизи почти три месяца, а

теперь Андрей Викторович соизволил регулярно спускаться из поднебесья и прогуливаться по офисному пространству, шпыняя подчинённых и проверяя, не сидят ли они в телефонах и соцсетях в рабочее время. Многих раздражало.

– Присматривается, кого уволить, – будоражились мои коллеги за обедом. – Везде пошли сокращения! Долбанные американцы со своими санкциями!

«Это буду я», – мысленно отвечала я им, понимая, что деловой китайский за три недели – это нонсенс. Хотя он давался мне сложно только на первых двух уроках.

Зато Анжела теперь приходила на работу так, словно после вчерашнего выхода в театр, на вечеринку или на день рождения с размахом не успела с ночи переодеться. Учитывая, что в наш угол царевич заходил, как к себе домой, и даже беседовал с Аней и Сергеем о планах закупок не у себя в кабинете, а вальяжно закинув ногу на ногу на стуле, стоящем напротив меня и рядом с Анжелой, наша офисная львица бросала на царевича неоднозначные взгляды, громко смеялась его шуткам и пыталась кокетливо шутить сама. Я даже подумала, не подложить ли кнопку? Сначала ей, а потом на стул, облюбованный начальством. Большую, канцелярскую, чтоб и бегемота пробила...

* * *

Я почувствовала на себе взгляд и невольно оглянулась –

Добрыня, сидящий справа, изучал меня с неподдельным интересом. Вот что Мехх² животворящий делает! И сделанный вечером маникюр. Я снова отвернулась с равнодушным выражением лица.

– Вы должны понимать, – продолжал Ли Юн, – что китайцы демонстрируют безразличие к переговорам или к предложенному вами проекту театрально. Они так делают, чтобы заставить своего партнера волноваться, сделать ошибку, а главное – пойти на уступки и снизить цену. Всё это наигранно. Кстати, китайский партнер может даже изобразить гнев, проверяя вас на прочность. Запомнили? Что ж, теперь давайте рассмотрим лексику, полезную на переговорах...

* * *

Урок закончился, и я, как всегда, вышла отдохнувшей. Приятно переключаться и узнавать что-то новое – прямо свежее дыхание в моей жизни!

В холле школы меня догнала администратор и попросила передать акты на подпись – месяц как раз закончился. Я взяла бумаги и вышла на улицу. Лицо обвевало приятное тепло и запах тополиных серёжек. Добрыня стоял у чёрного автомобиля с хищной решеткой на бампере и улыбался. Мне? Хм...

---

² Модный бренд

Я прошла мимо, и вдруг меня окликнули мягким басом:
– Катюша, а вы часом не китаец?

Я опешила. Добрыня, похожий на гору в деловом костюме, направлялся ко мне.

– В моём родовом дереве ничего об этом нет, – ответила я строго.

– Но вы очень качественно демонстрируете наигранное безразличие, – подмигнул Добрыня.

– Извините, оно не наигранное, – ответила я.

Богатырь широко улыбнулся.

– Тогда давайте поужинаем вместе?

Я моргнула:

– Не понимаю, как ваше предложение вытекло из моего ответа.

– А никак, – ещё шире заулыбался Добрыня. – Просто вы красивая, мне есть хочется и вам тоже наверняка. После китайских-то наук.

– Извините, но нет, – ответила я.

– А подвезти вас можно?

– Я лучше пройду. Погода хорошая.

– Тогда я составлю вам компанию. Давно не гулял, а весна-то какая! – напирал богатырь на меня, словно таран на китайскую крепостную стену.

Я растерялась. И вдруг напротив нас остановился знакомый внедорожник, опустилось стекло на дверце, и царевич крикнул мне:

– Катерина!

– Извините, я должна идти. Это мой начальник, – пробормотала я, обходя осторожно здоровяка. Подбежала к шефу. – Что вы хотели, Андрей Викторович? Что вы тут делаете?

– Садитесь в машину, – мотнул головой царевич, указывая на пассажирское сиденье.

Выбирая из двух зол меньшее, я послушалась. Села, слегка запыхавшись. Вампир опять смотрел на меня иронично, словно у меня перо индейца в голове застряло. Когда я уже привыкну, что он просто тролль?

Я вспомнила про акты на подпись и выдохнула:

– Удачно, что вы мимо проезжали. Вы как раз мне нужны...

– Как мужчина? – игриво засияли глаза царевича.

Я покраснела и поперхнулась воздухом.

– Н-нет, подписать, – протянула ему бумаги.

Он отложил их в сторону и, продолжая рассматривать меня, как неведому зверушку, сказал:

– Зато вы мне нужны, Катерина. Как женщина.

Глава 11

– Зато вы мне нужны, Катерина. Как женщина, – сказал мой босс.

Я посмотрела на царевича недоуменно и вдруг до меня дошло!

– Вы хотите, чтобы я снова посидела с Машей? – с радостно подпрыгнувшим сердцем спросила я.

Андрей Викторович улыбнулся с видом Мефистофеля:

– На этот раз с этим справится няня, – и сделал паузу.

– А что же ещё? – удивилась я.

Он потянулся куда-то назад и протянул мне огромный пакет с коробкой внутри.

– Это платье, – таинственно сообщил он, скрывая улыбку в уголках губ.

– Маше надо подшить или...

– Нет. В три года, я считаю, рановато носить платье от французских модельеров, даже если оно всего лишь прет-а-порте, а не от кутюр.

Я моргнула, не веря своим ушам. А Жираф голосом искusstителя добавил:

– Это вам, Катя.

– З-зачем?

– Ну, наверняка не для того, чтобы обои клеить, – с игровой дьявольщиной в глазах заявил мой начальник. – Завтра

вечером будет одно... мероприятие. Мне нужно сопровождение. И я подумал: мы же с вами друзья и очень удачно друг друга выручаем...

Моя растерянность не продлилась и полсекунды. Гнев. Он стёр всю робость, как ластик карандаш. Думала ли я эти дни о его горячих ладонях и спасительных объятиях? Да! О глазах голубых, от взгляда которых в животе становилось горячо, а в спине холодно, сплошные мурашки? Да! Мечтала ли я о том, чтобы вовсе не Славик помогал мне с ремонтом? Это было смешно и глупо, но да, я мечтала и на телефон поглядывала. Считала ли я, что если у Андрея Викторовича такая чудесная малышка, значит, в глубине души он всё-таки хороший человек? Да! И даже представляла его, закрыв глаза перед сном, – не ехидного и злого, как на работе, а того, каким ласковым он был с Машей, и сонным, взъерошенным, как мальчишка, утром, со своим потрясающим торсом, в одних штанах. Каждый вечер! Он мне даже снился! Потому что я дура!

Я терпела всего его шуточки. Но вот чтобы так, походя, меня унижать?! Сопровождение?! За кого он меня принимает?! За безотказную сотрудницу из дальнего угла, которую можно ещё и вместо эскорта вызывать, сэкономив на девушке по вызову? И при этом с насмешкой предложить платье, вроде как я сама не в состоянии красиво одеться?! А ещё вдобавок говорить, что мы друзья! Друзья?! Угу... Так это теперь называется?! Мой экс-муж тоже сказал, что мы дру-

зья, и оставил разбираться с долгами, в которые сам же меня и втянул, уговорив продать бабушкину коммуналку и влезть в ипотеку. А потом предал, начав встречаться с моей же подругой! Они теперь даже живут вместе!!!

«Друзья»! Да хуже оскорбления придумать было нельзя!

Я расправила плечи и отрезала:

– Нет.

– Что нет? – не понял царевич, ещё улыбаясь.

– Нет, я не пойду с вами! И платье не возьму, – ответила я уже не так резко, еле сдерживая рвущееся слезами наружу чувство обиды. Отвернувшись к окну, уставившись на развесившуюся серёжками и молодыми листиками плакучую иву, сквозь ещё не полностью одетые ветви которой просвечивал жёлтым фонарь.

– Почему?

Моя обида всё же прорвалась в словах:

– Потому что мы с вами не друзья! Друзья сдерживают обещания. Не издеваются и не насмехаются, когда человек просит о помощи! Только отчего-то наступили такие времена, когда люди, кажется, вообще понятия не имеют, что такое дружба!

Я выдохнула сердито, стараясь не смотреть на Андрея Викторовича. Ещё увидит, как у меня дрожит нижняя губа, и снова начнёт подкалывать, а я не выдержу, разревусь! Ну уж нет!

– Извините, мне пора. Пешком до дома идти далеко, денег

у меня не то что на такси, даже на маршрутку нет! А уже, знаете ли, поздно, – выпалила на остатке ярости я и тут же растеряла всю решимость.

Уволит, теперь точно уволит.

Что я буду делать? – судорожно работал мой мозг. – Продам чёртову квартиру и попрошусь жить к Агнессе, а потом выкуплю обратно бабушкину коммуналку – пусть без собственной ванны, зато без ярма на шее...

Ужасно хотелось выскочить на воздух, убежать куда-нибудь под деревья в мрачный проулок впереди и расплакаться. Лишь бы не при нём, наглом и самоуверенном. Я дёрнула ручку на двери автомобиля. Не поддалась. Заблокирована. Как это?!

И не хотелось, но пришлось обернуться.

Царевич сидел, поражённый и злой. Дьявольски, мучительно красивый и опасный, как гепард, которому глупая обезьяна швырнула в морду бананом. Показалось очень явно, что ещё мгновение он поморщится, зашипит, показав клыки, и... откусит мне голову. Холодок пробежал меж моих лопаток. Боже, надо было сразу уезжать с Добрыней, хоть в ресторан, хоть к чертям на свадьбу!

– Так, значит? – процедил Андрей Викторович.

– Так... – меня охватила робость от его недоброго прищура.

Царевич завёл машину и нажал на педаль газа. Уставился на дорогу.

– Вы куда? Остановитесь, выпустите меня, – попросила я.

Он не обратил внимания, будто меня вовсе тут не было. Разогнался по проспекту и понёсся, лавируя между машин с нарушением всех правил. Да он с ума сошёл?!

– Куда вы меня везёте? – пролепетала я, вжимаясь в кресло и «тормозя» каблучками весенних туфель.

Он не ответил сразу, только остановившись на светофоре, буркнул:

– Домой.

– К к-кому?

Взгляд хищника пригвоздил меня к спинке. Кажется, надо было вежливо отказаться... Я нащупала телефон в сумочке.

Хотя кому звонить? Дорогой Слава, ты не можешь ли помедитировать, чтобы мой сбесившийся босс в чувство пришёл? Агнесса, подыми ароматическими палочками в мою сторону и тибетскими чашами позвени, вдруг демоны моего начальника учуют и испугаются?

Я сглотнула и тут же одёрнула себя: какая разница? Он всё равно как женщину меня не воспринимает, только как неизвестно кого – рабочую лошадку, чтобы использовать в хвост и гриву. Как бесплатный эскорт! Эксплуататор и гад!

– Остановите! – сказала я твёрже.

Так он и послушался! Автомобиль рванул по закоулкам, щедро разбрызгивая из-под колёс тёмные лужи на кусты и дома и заставляя не только меня, но хищника за рулём неизящно подсакивать на ростовских колдобинах. А, мо-

жет, всё же в полицию звонить? Эту ситуацию можно рассматривать как похищение?

Мы выехали к знакомому котловану и новостройкам. Андрей Викторович резко развернулся и остановил внедорожник у моего подъезда.

– Вот и идти не надо. По-хорошему вы не понимаете. А я хотел, чтобы было по-хорошему, – бросил царевич-вампира жёстко. – Значит, будет как будет. Если вы помните, вы сотрудник моего подразделения. Завтра вечером мне как представителю владельца компании будет нужен переводчик. Конгресс-холл, в девятнадцать-тридцать. Платье на вас будет это. И точка. Считайте его униформой.

Ах, вот он как! Я поджала губы и спросила, не ожидая, что во мне таится столько жёлчи:

– А фирменный галстук «Жирафа» на шею повязать?

Он ненавидяще глянул на меня:

– На презентации заявлен дресс-код. В корпоративных тонах Бауффа. Если вы дальтоник, то пожалуйста.

Кнопки на двери отщёлкнулись. Я схватила пакет и выскочила из авто, как ужаленная. Кажется, даже «до свиданья» не сказала. Вбежала на свой второй этаж, ввалилась в квартиру и сразу на кухню: водой отпиваться. Плакать уже не хотелось. Хотелось устроить этому вампиру что-нибудь такое! Такое! Чтобы навсегда запомнил! Как женщина я ему нужна! Угу! Ну, получит он у меня женщину! В корпоративных цветах!

В сердцах я вытряхнула из пакета коробку и, подняв со стула, разорвала её. На пол скользнуло что-то лёгкое. Злая, как ведьмесса, придумывающая страшное проклятие, я подняла платье, ожидая увидеть развратные тряпочки для девушки из эскорта, и обомлела.

Из моих рук заструилось к полу настоящее шёлковое чудо, ярко-синее, как у Золушки из последней экранизации, элегантное, нежное. Очень женственное, длиною в пол. У меня аж дух перехватило – такая это была изящная красота!

О... А я не поторопилась с выводами?

Глава 12

Она вообще в своём уме?! Что эта психическая себе позволяет?! Ишь, цирк устроила! – пульсировало у меня в висках. Эго прищемило так, что я аж зубы стиснул зубы, и в челюсти хрустнуло. Хорошо, что зубы натуральные, импланты бы уже со штифтов выкрутились и выпали!

Чтобы я ещё раз вот так, как последний идиот, старался! И ради кого?! Я даже у Нади проконсультировался, где искать нормальные женские штучки. Потому что разбираюсь я кое-как только в детском: трусы, колготки, кофточки, платьица – беру что поярче и посмешнее в проверенном магазине, и нормально. Маруське хоть штаны на голову надень, всё равно на свете всех милее и обаянием за пояс любую модель заткнёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.